

НАТАЛИЯ ЛОДЬОВА

БЛИЖЕ К НЕБУ

**Очерки о русских
священниках**

**ВОРОНЕЖ
2020**

УДК 271.2-726.3
ББК 86.372.24-63
Л70

Рецензенты:

Иеромонах Кирилл (Зинковский) – доктор богословия,
кандидат технических наук;

Берсенева Т. А. – кандидат педагогических наук

Л70 Лодеева Н. А.

Ближе к небу. Очерки о русских священниках. –
Воронеж: издательство «Истоки», 2020. – 130 с.

ISBN 978-5-4473-0269-6

Книга посвящена священникам, нашим современникам, чей жизненный путь уже окончен, но благодарная память о которых жива в сердцах очень многих людей. Сама жизнь этих служителей Русской Православной Церкви подобна проповеди Евангелия – пример того, что и сегодня можно «стоять в словах Христа», освещая любовью, верой и надеждой людские сердца. Личные впечатления автора дополнены фрагментами воспоминаний и отзывов других очевидцев, а также известными фактами из биографий героев книги.

УДК 271.2-726.3
ББК 86.372.24-63

Редактор: Заридзе Геннадий Владимирович, протоиерей,
доктор теологии, председатель Межрегиональной просветительской общественной организации «Объединение православных ученых».

ISBN 978-5-4473-0269-6

© Наталия Лодеева, текст, 2020
© Андрей Краснобородько,
оформление, 2020
© Издательство «Истоки», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

«Путь ко Христу».....	4
Встречи с Богом.....	5
«Ближе к небу».....	6
Протоиерей Владимир Залипский.....	9
Протоиерей Александр Маслов.....	25
Протоиерей Александр Григорьев.....	49
У Бога все живы.....	73
Архимандрит Елеазар (Иванов).....	77
Архимандрит Адриан (Кирсанов).....	87
Перст указующий.....	100
Игумен Виссарион (Великий-Остапенко).....	103
Обретенная пропaja.....	126

ПУТЬ КО ХРИСТУ

Книга Лодеевой Нататалии «Ближе к небу», которую читатель держит в руках, дает нам прикоснуться к живому опыту «жизни в Боге» нескольких замечательных пастырей XX века. Лучшие люди, когда-либо жившие на земле, это – святые угодники Божии. Они даны нам в научение и пример, в помощь на трудном жизненном пути.

Священники, о которых повествует автор, жили рядом с нами. Всё, что здесь рассказано о них — личный опыт, чем и особенно ценна эта книга. А еще можно сказать, что многие из них, хотя еще не прославленны официально, но, несомненно, святы у Бога. А если их святость немного меньше святости великих святых, то это даже легче, и дерзнем сказать, полезнее и ближе, для современного читателя, которому великие святые кажутся недоступными звездами.

Каждый сможет почерпнуть для себя здесь много вдохновляющего и драгоценного для души и сердца. Молитвы этих праведников да будут нам в помощь, а пример их да утешит нас надеждой, что никогда в Русской Православной Церкви не переведутся праведной жизни пастыри, указующие нам путь ко Христу и жизни вечной.

Иеромонах Кирилл (Зинковский), доктор богословия, канд. техн. наук, духовник благотворительного фонда «Православная Детская миссия им. преподобного Серафима Вырицкого», священник храма Казанской иконы Божией Матери в поселке Вырица Ленинградской области.

ВСТРЕЧИ С БОГОМ

В книге Наталии Лодеевой «Ближе к небу», на мой взгляд, затронута очень важная тема. А именно – возможность встречи каждого из нас с Богом. Порой встреча, как это хорошо показано автором, происходит при соучастии другого человека, через которого Господь неисповедимым образом открывается нам.

Все встречи не случайны. Вот только готовы ли мы быть внимательными к людям, кто неожиданно дарит нам в частице своего сердца – Свет Христов? В книге повествуется о жизни замечательных русских православных священников, о том благодатном влиянии, которое оказывали встречи с ними как на автора, так и на многих других людей. Всех этих батюшек, наших современников, действительно можно назвать *подвижниками православия*. Они самими своими судьбами показали, что жить по Господним заповедям, по крайней мере, стремиться так жить, возможно в любое время.

Хочется отметить ёмкий стиль автора и её точность передачи мысли. Например, «Духовная жизнь не умом познается, а испытывается сердцем», «Что нужно для благодатной встречи? – Готовность сердца», «Познакомившись по послушанию, молодые люди поженились по любви...», «В духовной жизни не надо мудрствовать. Следуй за Христом да старайся жить по Его заповедям». Читаешь и наполняешься через слово благодатной силой личности священников, так глубоко и ярко раскрывает автор их образы.

Уверена, что книга станет интересна и полезна широкому кругу читателей, в том числе и преподавателям Основ православной культуры в школах, учителям, родителям и всем тем людям, кто сегодня находится в духовном поиске. Христос всегда рядом, и иногда встретиться с ним, быть «ближе к небу» помогают встречи именно с такими самоотверженными, светлыми людьми – маяками *мира горнего*.

Тамара Александровна Берсенева, к.п.н., доцент, «Отличник народного просвещения», автор учебной и методической литературы по Основам православной культуры, профессор Международного университета фундаментального обучения.

«БЛИЖЕ К НЕБУ»

*Порою дарит встреча с человеком
Через любовь свет Рая на земле.
Так шлёт Господь отныне и до века
Нам веры луч – попутчика во мгле.
Храним в сердцах подолгу эти встречи,
И вспоминаем ласку добрых глаз
Тех, кто повёл к Создателю навстречу,
Кто устремляет ближе к небу нас.*

Н. Лодеева

В конце своего земного странствия мы все приходим к общему порогу. Хотим того или нет, но «eternity is inevitable», что в переводе означает «вечность неизбежна»! Что ожидает нас там? – Тайна тайная.

Здесь, на земле люди обеспокоены материальными проблемами, стремятся хоть в чем-то да «увекочиться». Ведь невыносимо и подумать, что твое драгоценное «ФИО» может после кончины наскоро позабыться! Наверное, светлым небесным ангелам грустно смотреть на нас – искателей славы и стяжателей капиталов. А ведь беспроектный и самый «доходный» вариант для души – богатеть в Бога. Но для этого, во-первых, в Него надо верить!

Атеизм – это тоже вера, только в отсутствие Творца. Схиархимандрит Илий (Ноздрин) назвал её «мыльным пузырьком», а иеромонах Мефодий (Зинковский) – «верой в ноль». Атеистические утверждения недоказуемы. Если вы не встретили Бога, это не значит, что Его нет. Для христиан приоткрыть сакральный занавес вечности и жить Пасхальной надеждой помогает Евангелие. Как же прийти к вере?

Пути Господни неисповедимы. Это – не отговорка, объясняющая любое событие, а реальность. Бог приходит к

нам по-разному. «Се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною» (Откр. 3:20). Как же слышать этот Голос? Веру зарождает личная встреча с Господом. Она непременно случается в жизни каждого из нас. Но дело в том, заметим мы её или нет.

Богу не угодно насилие над нашей личностью, Он ненавязчив. Для Него важно ответное доверительное расположение сердца человека. Порой Он является нам через людей. У святых отцов есть понятие «лицетворение». Так в Святой Троице Сын являет Отца, а Дух Святой – Сына. Также и святые раскрывают нам Бога. Порой и простые люди, живущие по вере, направляют нас к Господу. Потому так важно не пропустить эти удивительные встречи, возможно ещё не с Самим Богом, но ведущие к Нему, задающие нам верный ориентир подобно свету маяка.

Точных ответов, как распознать эти моменты, нет. Духовная жизнь не умом познается, а испытывается сердцем. Бывает, что при знакомстве с человеком, при беседе с ним ты вдруг ощущаешь в своей душе мир и тихую радость. Их-то тебе и посылает Господь. Надо быть внимательным к таким событиям, находить время на их осмысление и переживание, хотя сегодня в наш суматошный век это непросто.

Порой именно через встречи с другими людьми Христос привлекает нас к себе.

Благодаря ученику Сергия Радонежского святому Епифанию Премудрому, составившему жизнеописание великого русского игумена, нам известна история знакомства отрока Варфоломея (так звали преподобного Сергия в миру) и «черноризца, старца святого, удивительного и неизвестного, саном пресвитора, благообразного и подобного Ангелу». Получив благословение от дивного монаха, Варфоломей «начал

читать псалмы очень хорошо и стройно; и с того часа он хорошо стал знать грамоту».

Пронзительный покаянный пятидесятый псалом родился у царя Давида именно после встречи с пророком Нафаном, обличившим того во грехе.

Это – примеры из жизни святых, но также и нам с вами суждены свои духовные встречи, когда случайные люди вдруг касаясь наших сердец, вовлекают их в благой диалог с Господом. Это могут быть всего лишь краткие мгновенья, но и они станут благодатно влиять на последующую жизнь, делая нас ближе к небу...

Книга, которую я так и назвала «Ближе к небу», расскажет о людях, с которыми мне когда-то посчастливилось встретиться. Все сердечные соприкосновения с ними, когда моя душа обретала духовную пользу, я сберегаю в памяти, согреваясь их добротой. Потому дерзаю разделить с читателями это моё ценное, светлое, радостное, памятуя о том, «что посеешь, то и пожнёшь».

Мой рассказ пойдет о священниках, которые уже переступили порог Вечности. Встречи с ними для многих, в том числе и для меня, были подобны маякам, подсказывающим верный курс к небесному причалу. Интересен факт, что уже после окончания работы над очерками я заметила, что все герои книги были как-то связаны с моим любимым Псково-Печерским монастырем. Истории распределены в порядке, соответствующем времени моего знакомства с батюшками. Личные впечатления я дополнила фрагментами воспоминаний и отзывов других людей, а также известными фактами, чтобы более полно раскрыть жизни тех, кого, безусловно, можно назвать соработниками Божиими, через которых Он касался душ и сердец: «Се стою при дверех и толку», благодаря которым открывались эти «двери».

Протоиерей Владимир Залипский

(18.01.1926 – 23.02.1997)

*«Люди даже и не знают, что таким человеком
можно быть»...*

(Слова духовного чада отца Владимира Залипского)

Что нужно для благодатной встречи? – Готовность сердца.

Мне восемнадцать... После зимней сессии вернулась из города, именовавшегося тогда Ленинградом, домой в Эстонию на каникулы.

На всенощной в таллинском Александро-Невском соборе начинается елеопомазание. Подхожу к священнику. Это – духовник моей мамы, протоиерей Владимир Залипский. Помню проникновенный, добрый взгляд батюшки. Он ласково сказал мне всего несколько слов, а душа откликнулась, словно крылышки её расправились. Такое ощущение бывает при встрече с безусловно любящим тебя человеком, когда твоё сердце, утешенное и исцелённое этой любовью, вдруг наполняется радостью в ответ. Даже не беседуя, а просто находясь рядом с ним, ты ощущаешь искреннее соучастие в своей жизни. И удивительным образом исчезают тревожные мысли, а проблемы, ещё совсем недавно казавшиеся неразрешимыми, вдруг утрачивают свою остроту и оказываются незначительными.

Мы с мамой возвращаемся домой. Спускаемся с Вышгорода по нашей любимой улочке Пикк Ялг. В сиянии фонарей искрится мягкий январский снежок. А в душе, словно ангелы поют! Воспоминания о том дне даже спустя десятилетия воскрешают то состояние сердца.

Знакомство с отцом Владимиром Залипским для меня было подстать обретению одной из духовных жемчужин. Замечательно, что это случилось ещё в детстве, когда особенно необходимы встречи, которые созидающе будут влиять и на нашу дальнейшую жизнь.

С батюшкой меня познакомила мама. В советские годы я школьницей нечасто бывала в соборе Александра Невского. Но когда посещала службы и виделась с этим

священником, то всегда возвращалась домой со светлым ощущением, что в душе наконец-то всё на своих местах.

И уже став студенткой, по приезде на каникулы из Ленинграда в Таллинн непременно стремилась с ним увидеться.

Что же тянуло к отцу Владимиру? Меня никто никогда не уговаривал, не увещевал ходить в церковь. Я лишь видела пример родных, и душа сама просилась в храм. И особенно было радостно, когда служил дорогой Батюшка. Детское сердце не обманешь. Протоиерей Владимир Залипский был истинным православным христианином, мудрым, любящим. Вот и я поверила этому светлому человеку и всю жизнь благодарю Бога за такое знакомство.

Батюшка окончил свой земной путь 23 февраля 1997 г., и теперь, бывая в Таллинне, я стараюсь посетить его могилку на старейшем городском кладбище Сизелинна, православная часть которого именована в честь Александра Невского, а лютеранская называется Вана-Каарли.

Когда происходят жизненные затруднения, вспоминаются слова из проповеди отца Владимира:

«Видите, братья и сестры: все, что ни случается на земле – очень мудрое дело. И все, от начала до конца, спасительно для нас. Только бы нам это правильно принять. А правильно принять очень просто: за все – слава Богу! Конечно, сказать-то легко, но нелегко сделать, это понятно. Просто, но трудно. Но – спасительно и все-таки возможно».

Хочется подробнее поведать об этом священнике. Помимо личных впечатлений в свой рассказ я включила сведения из разных источников: отзывов прихожан, форумов, статей из книг с проповедями самого отца Владимира.

Владимир Иванович Залипский родился в Таллинне 18 января 1926 г. в интеллигентной семье белоэмигрантов.

Его отец, Иван Григорьевич, ещё до революции окончил Сельскохозяйственную академию в Москве.

Мама, Валентина Васильевна, была петербурженкой. Её немецкие предки жили в России со времен Петра I. Кстати, дед отца Владимира по матери был берлинским немцем знатного происхождения и служил скрипачом в оркестре Мариинского театра.

Залипские жили дружно, собирались на праздники с друзьями, ходили друг к другу на именины. В детстве Володя отличался ясным умом, который уравнивал пылкость его чуткого сердца подобно тому, как мальчик сочетал игру в шахматы и скрипку. Указывало ли что-то на его будущее духовное призвание? Володю любили в детских компаниях за веселый нрав. В школе он, сидя на задней парте, частенько отпускал остроумные шуточки, за что ему, разумеется, попадало. Но вместе с тем уже тогда была у него склонность к уединённым размышлениям, которая как-то гармонично сочеталась с жизнерадостностью и общительностью.

По его личным воспоминаниям он тогда не был глубоко верующим. Шло, конечно, какое-то духовное формирование, но как-то подспудно.

Например, большое влияние на него оказала нянюшка-староверка. Она зачастую вместо сказок рассказывала Володе о житиях святых и евангельские истории. Религиозной была и его мама. Также в отрочестве Володя бывал у протоиерея Иоанна Богоявленского, настоятеля церкви свв. Симеона и Анны, будущего владыки Исидора, который после службы подолгу беседовал с прихожанами. Но в то время верил молодой Владимир «как все».

Первые репрессии после присоединения Эстонии к СССР в 1940 году милостью Божией миновали семью Залипских. А там уж вскоре и Великая Отечественная война началась. Фашисты устроили недалеко от Таллинна в районе местечка Клоога концлагерь, из которого мирным

жителям разрешалось брать детей к себе домой (фактически спасти их от смерти). Залипские тоже пришли за ребенком. Володя, увидев одинокую, больную девчущку-заморыша, сказал:

«Красивых-то возьмут, а она... такая, кому нужна»? Её-то и забрали в семью. Уже тогда проявлялось милосердие будущего пастыря.

Господь вёл его к себе сложной стезей. Незадолго до вступления советских войск в Эстонию юного Владимира насильно мобилизовали в немецкую армию. Правда, он, к счастью, за всю войну не совершил ни единого выстрела, просто служа при обозе. Оказавшись в тяжелой для себя среде, он всё больше обращался к Господу. Помогало этому и чтение Евангелия, которое мать дала с собой.

Годы спустя батюшка неоднократно говорил о том, что люди на войне часто приходят к вере и научаются молитве, так как сильнее, чем в мирное время, чувствуют себя в воле Божией.

Господь берег своего будущего пастыря. Однажды Владимир стоял на посту в карауле. Погода была прекрасная. Он вслух тихонько декламировал своего любимого Пушкина и находился в мирном расположении духа. Вокруг него что-то посвистывало, но он не обращал на странные звуки внимания. Уже потом осознал, что это были снайперские пули...

Был ещё чудесный случай, когда после прихода советской армии Владимир попал в плен и удивительным образом избежал расстрела. За мгновение до казни, когда его вместе со всеми, кто был в немецкой военной форме, поставили к стенке, прибыл гонец с приказом о помещении пленных в фильтрационный лагерь.

Годы, проведенные в армии и за колючей проволокой, дали пережить будущему священнику те страдания и получить те утешения, которые невозможно узнать из просто чьего-то рассказа. Он, по сути, домашний,

интеллигентный мальчик, попал в совершенно чужеродную для него среду. Не мог ответить так, как там принято, терпел насмешки, выполнял грязную работу. Отец Владимир рассказывал потом, что спасло его именно Евангелие, которое мама сунула ему в карман, когда бежала рядом со строем новобранцев. А ранее, ещё дома, она положила вместе с его вещами две иконки: «Моление о чаше» и двустороннюю, с Казанской иконой Богородицы и Прокопием, Христа ради юродивым.

Владимир, попав в армейскую реальность, поначалу растерялся, не знал, что делать. И именно в ту пору он «ухватился» за Евангелие и дал себе обещание поступать во всех ситуациях так, как там сказано. Сперва его поведение лишь усилило насмешки и непонимание, но постепенно отношение окружающих к Владимиру изменилось. Так наяву стала проявляться сила и истина евангельских наставлений. Батюшка считал это поворотным моментом в своей судьбе.

Будучи три года в фильтрационном лагере, Владимир Залипский там также претерпел и голод, и холод. Его одежда сносилась так, что по воспоминаниям батюшки «остались только швы». В лагере его, хорошо знающего языки, использовали в качестве переводчика. Удивительным было то, что в советском лагере с него не сняли нательного креста, не отобрали Евангелие и иконы. Они были с ним всю его жизнь. Интересно то, что люди, встречающиеся Володе в то время, часто обращались к нему, совсем ещё юному, и были очень откровенны. Уже тогда он при ответе опирался на примеры из Евангелия, которое теперь не выпускал из рук.

После освобождения из фильтрационного лагеря происходит встреча Володи и его будущего духовника – отца Валерия Поведского, выдающегося пастыря, молитвенника, наставником которого был московский старец Алексей Мечев, причисленный в 2000 году к лику

святых. Сам отец Валерий также был освобожден из концлагеря, только немецкого. Вместе с тем продолжалось общение Владимира и с теперь уже епископом Таллиннским и Эстонским Исидором (Богоявленским).

Однажды отец Владимир на проповеди поделился историей о том, как один молодой человек пришел на квартиру к старенькому епископу, чтобы вернуть взятую для прочтения духовную книгу... Похоже, в этом рассказе были представлены сам будущий батюшка Владимир и владыка Исидор, настоящий аскет, серьезный ученый-богослов, умевший произносить доходчивые и трогающие сердца проповеди. Отмечу то, что в своё время в конце 1930-х годов владыка Исидор (на ту пору протоиерей Иоанн) был первым руководителем русскоязычных богословско-пастырских курсов, где учился отец патриарха Алексия II – Михаил Александрович Ридигер. Позже он был законоучителем в школе и духовником юного Алексея. Впоследствии патриарх говорил о своем наставнике как о «человеке глубокой веры и очень большого духовного и жизненного опыта».

Владыка Исидор недаром находил время общаться с молодым двадцатилетним юношей. Он явно возлагал на него надежды. Именно епископ Исидор в 1948 году отправил Володю учиться во вновь открытую Ленинградскую Семинарию, ректором которой, кстати, был сам в 1946 году (в последний год перед своим епископством). Владимир Залипский поступил сразу на второй курс...

Вскоре скромного, с тонким чувством юмора, интеллигентного студента начинают называть «надеждой Академии». Он принадлежал к тому роду семинаристов, для которых было характерно истовое горение веры и стремление к справедливости. Им благоволил тогдашний Ленинградский митрополит – владыка Григорий (Чуков), поддерживали многие видные профессора.

Следуя своим взглядам, Владимир и его друзья стали выступать против «обмирщения» Академии (непрерывных культпоходов, посещения концертов и спектаклей, проведения развлекательных праздников), за что и поплатились. Нашлись завистники, начались интриги. В результате Залипский был исключен. Даже митрополит Григорий, бывший на стороне семинариста, не смог ничего поделать. Дело в том, что у одного из главных «культпросветработников», протоиерея, нашлись сильные покровители, помогшие избавиться от «тревожного элемента». Позже один из гонителей-преподавателей отца Владимира отречется от веры и станет пропагандировать атеизм. Сложные были времена...

Вернувшись в Таллинн Владимиру, бывшему лагернику да ещё «воцерковленному ретрограду», с трудом только через год удалось найти работу. Он устроился на обувную фабрику «Коммунар». Вот именно там и стал будущий священник проходить свои «богословские курсы».

Владимир Залипский числился инженером по технике безопасности и, сидя в канцелярии, в течение шести лет занимался самообразованием. Он читал духовную литературу, переписывал святых Отцов. Позже батюшка с благодарностью вспоминал своего начальника, который хоть и был неверующим, не мешал своему сотруднику, не доносил на него, не «прорабатывал». Правда, он всё не мог понять, что же такое «христианская любовь»...

В те годы Господь сподобил отца Владимира лично общаться с митрополитом Вениамином (Федченковым) и духовником Пюхтицкой Успенской женской обители иеромонахом Петром (Серегиним).

Конечно, поначалу отчисление из семинарии Владимир Залипский переживал очень остро. В это время большую поддержку ему оказал духовник – отец Валерий Поведской. Они вместе с шести часов утра до работы,

которая начиналась в восемь, гуляли по Александроневскому кладбищу, беседовали, молились в тогда ещё открытой часовне. Отец Валерий был человеком высокой духовной жизни, уже от юных лет «не от мира сего». Он глубоко поражал Володю своим даром истовой молитвы, о чем отец Владимир позже будет рассказывать с благоговением:

«...Он о себе очень мало думал. Человек высокой жизни был, очень большого смирения и доброты... Вот что помогает по настоящему облегчить сердце от тяжести грехов – вот такое стояние перед Богом».

Порой подобный опыт может быть даже важнее курсов самого лучшего учебного заведения...

В 1956 году Владимир Залипский посетил Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, где прозорливый старец иеросхимонах Симеон (Желнин) (1 апреля 2003 года прославленный в лике святых Псково-Печерских) посоветовал ему оставить зародившуюся мысль о монашестве, предрекая рукоположение во священники только после женитьбы. Именно отец Симеон и познакомил молодого человека с будущей супругой, которой стала дочь монастырского регента Николая Вехновского – Наталия. Познакомившись по послушанию, молодые люди поженились по любви...

Вот и получилось не как желалось, а по Промыслу Господню. Ехал молодой человек в монастырь за благословением на постриг, а уехал оттуда с супругой, чего вовсе не ожидал!

В том же году, на праздник Воздвижения Креста, Владимир Залипский был рукоположен Архиепископом Таллиннским Иоанном во диакона, затем, в день памяти мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии – во иерея, и стал служить вторым священником в Богоявленском храме эстонского города Йыхви. Настоятельством там в ту пору Алексей (Ридигер),

ставший потом Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

В 1958 г. отца Владимира перевели на Иоанно-Предтеченский приход города Тапа. Господь благоволил молодому пастырю. Храм при жестоких хрущевских гонениях на православную церковь чудом не закрыли. Паства полюбила отца Владимира. Светильник не скрыть под спудом, и вот к батюшке за советом стали приезжать даже ученые и деятели культуры из других городов тогдашнего СССР. Среди его духовных чад были поэтесса Анастасия Цветаева (сестра Марины Цветаевой), историк Мария Ефимовна Сергеенко и другие замечательные люди. Но это будет уже позже, а поначалу служить в Тапа было очень сложно. Приход малочисленный, жилье неважное, денег часто попросту не было. А вот внимания властей к молодому пастырю было в избытке. Было много несправедливостей, невзгод. Батюшка сам вспоминал, что тогда его жизнь «сильно побила».

Для отца Владимира «тапский» период стал той высшей школой, которая готовила его к будущему тридцатилетнему служению в Таллиннском соборе... В то время его духовник отец Валерий писал священнику Вячеславу Якобсу, сосланному в лагерь, такие строки: «Отец Владимир трудится над малым стадом, а больше над самим собой... У него есть трудности, но всё это нужно»...

Сам батюшка Владимир, вспоминая то время, когда он поначалу порой служил в храме почти в одиночестве, говорил: «Там было небо»... И вот это духовное тапское небо отражалось после во многих его проповедях.

Через десять лет, в 1968 году митрополит Алексей (Ридигер) перевел батюшку в Таллиннский Александро-Невский кафедральный собор. Здесь очень пригодились природные интеллигентность и деликатность отца Владимира, так как храм посещали и иностранные делегации. Кроме того, батюшка окормлял и эстонцев,

прекрасно говоря на их языке. Кстати, некоторые из них под влиянием русского духовника позже сами стали православными священниками.

Ни тени надменности или снобизма у отца Владимира никогда не было. А вот утешить, подбодрить шуткой, приласкать словом он готов был абсолютно каждого. Среди его паствы были и обычные «бабулечки», и лица с мировым именем. И всех он воспринимал как неповторимый образ Божий.

Люди, знавшие Батюшку, вспоминают о его сострадательности и милующей любви, о которых могу свидетельствовать и я. К счастью, прихожане как-то сообразили записывать его проповеди на кассетный магнитофон. Лишь благодаря этому после кончины отца Владимира и вышли в свет две книги его духовных бесед. Первая называется «Вот что мне положилось на сердце сказать вам...», а вторая «Как это можно – жить Богом?». Их выпустило православное издательское общество священномученика Исидора Юрьевского в 2004 и 2012 годах по благословению Митрополита Таллиннского и вся Эстонии Корнилия.

Беседовал с паствой отец Владимир с такой искренностью, что у самого порой на глазах виднелись слезы. «Его тихий голос силен кротостью», – замечали прихожане.

Интересно то, что Батюшка никогда не проповедовал по заготовкам. Порой он начинал говорить о чем-то одном, но так увлекался, что к концу проповеди беседа с прихожанами принимала совсем иной оборот. Он словно чувствовал, что именно нужно сказать в данный момент и кому. Каким образом это открывалось священнику, нам, конечно же, не постигнуть. Но даже сегодня простое чтение его книг вызывает теплый отклик в душе. Ты словно вновь слышишь мягкий голос, сердечно

соглашаешься с батюшкой и вместе с ним радуешься, что идешь (стараешься идти) по пути православия.

Правда, отец Владимир предупреждал, что просто читать духовную литературу – недостаточно:

«В христианстве всё в основном переживается, а не просто читается, узнается, изучается. Это тоже, конечно, надо и хорошо, но это не главное. Главное – читать Евангелие своей жизнью. И когда читаешь его своей жизнью, то узнаешь, что Христос Живой, что Он действительно дает верную жизнь и радость. И что каждое слово Евангелия – это правда. Самая жизненная правда».

Батюшка спас от разрушения многие семьи. За советом верующие устремлялись к нему из разных уголков огромной советской страны. Благодаря духовному руководству протоиерея Владимира Залипского люди избавлялись от тяжких пороков, зависимостей, а также от сетей экстрасенсов и теософов.

Кстати, я отлично помню, какая мощная лавина различных сект хлынула в Таллинн в годы перестройки. Особенно разгулялись иеговисты, щедро финансируемые из «забугорья». Безусловно, для советских людей, находившихся в состоянии духовного голода и религиозной непросвещенности, их медовые заманивания были очень душеопасны.

Масса агитаторов-сектантов бродила почему-то именно около Александро-Невского собора. Меня они тоже неоднократно пробовали «вербовать» в свои адепты, старались вручить какие-то книжки и брошюры, но, к счастью, православная закваска в моей душе уже была. И вот в то сложное время мудрая проповедь, поддержка и духовное наставление священника были особо необходимы!

В конце 1995 года врачи обнаружили у отца Владимира саркому. Он пережил две операции, а от третьей отказался.

Воскресным вечером (в неделю о блудном сыне), 23 февраля 1997 г. отец Владимир Залипский окончил свой земной путь. Его тело перевезли в Таллиннский Иоанно-Предтеченский храм. Сюда стали съезжаться священники и миряне, чтобы проститься с батюшкой. До четверга непрерывно звучали панихиды, читалась Псалтирь.

Отпевали батюшку 27 февраля, в Александро-Невском соборе. Народу было как на Пасху. По словам митрополита Таллиннского и всея Эстонии Корнилия (Якобса), отпевавшего отца Владимира, он не помнил столь многолюдных похорон. У могилы кто-то из священников повторил слова, которые отец Владимир сам однажды произнес на отпевании своего духовника – протоиерея Валерия Поведского: «Ему было дело до моей души!»

Наверное, недаром, впоследствии один дьякон смущенно признавался: «С отцом Владимиром послужишь, а потом долго ни с кем служить не можешь. Ощущаешь, будто не то что-то, нет такой правды и искренности в молитве у других пастырей, как у батюшки».

Молитву отец Владимир действительно ставил на первое место всегда:

*«Молитва – это искусство, духовное художество...
...Если человек... станет на молитву, может быть, весь грязный, от головы до ног в страстях греховных, но если только он станет искренне, в покаянии, со слезами будет оплакивать себя и просить, и молиться, и стучать в двери милосердия Божия – отверзнутся эти двери... ...Милость Божия касается сердца, и очищает, и омывает его... И все это познается в нашей вере только одним – опытом...
...Вот почему так важно научиться молиться, вот почему Церковь Христова так велика молитвой»*

Некоторые духовные чада отца Владимира сегодня выкладывают на форумах в Интернете свои воспоминания о нем. И везде звучит мысль, что батюшка был необычайно светлым человеком, своим примером побуждавший людей делать добро. Вот выдержка из блога одного жителя мегаполиса:

«...Хотя здесь много церквей, монастырей и подворий, много знаменитых священников, но таких, каким был батюшка Владимир, здесь не то что нет, а люди даже и не знают, что таким человеком можно быть»...

И я сама всегда благодарю Господа за встречу с отцом Владимиром. Ещё в начале жизненного пути мне был дан пример высокой планки истинной человечности. Я помню мягкую улыбку батюшки, его взгляд, с которым может смотреть на вас только родной, понимающий человек, его добрый голос. В детстве он казался мне сказочным дедушкой. В юности его пастырское благословение заставляло петь сердце несколько дней. Понятно, что в то время я ещё не читала мудрых книжек о духовной жизни. Просто душа чувствовала благодатную доброту. И принимать её было удивительно.

Отец Владимир видел верный путь для воспитания юной души. Он считал:

«Раньше изучение происходило через чтение Священного Писания и писаний святых отцов, святых людей – вот так учили грамоте тогда. Это, конечно, было мудрое научение, потому что люди не только научались разбирать буквы, складывать слова, а научались и закону Божьему, жизни Божьей, любви Божьей, правде, вере, благочестию, молитве. Это было замечательное воспитание: сразу образовывался и ум, и сердце. И сердце даже больше, чем ум».

И так важно для каждого звучит:

«Какой я, так мне и ответится. Верно говорят: «Как аукнется, так и откликнется»... ...Если я даже внешне

отношусь хорошо, а внутри хитрю – то и ответ будет не по моей внешней хорошеести, а по моему притворству. Душу не обманешь».

Батюшка мягко наставлял своих прихожан: «... первое дело, братья и сестры, себя воспитать, потому, что если себя воспитаем, то польза будет и нам, и окружающим... Когда себя успокоишь, то и другого успокоить сможешь... Я смотрю все время по себе – я вот человек уже пожилой довольно, смотрю по своим болезням, по жизни. Чему я в ней научился? А вот тому: немножко себя узнал больше, и вижу, что, действительно, отцы правильно говорят святые, что всякое на земле дело, маленькое, большое – это всего лишь поделок. А настоящее дело – борьба со страстями, то есть, борьба, в общем, с самим собой. Чтобы себя устроить. Каким? – А вот мирным, кротким, доброжелательным, благодушным, уступчивым – вот это важно... Преподобный Ефрем Сирийский именно на этом пути очень преуспел. И вот таким-то Господь дает свои особые дарования. Только один путь верный – путь работы над собой постоянной. И на этом пути Господь нам первый помощник, и все святые за Ним следом...»

Сегодня память об отце Владимире побуждает меня саму хоть ненадолго, но становится лучше, хоть ненадолго останавливаться, чтобы «*стоять в словах Христа*», чему учил батюшка своей жизнью. «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:31–32).

Наша семья покинула Эстонию в 1991 году, сменив в перестройку место жительства на русский Санкт-Петербург. Отъезд был скоропалительный. В результате у мамы на руках остались книги из библиотеки собора Александра Невского. Вернуть их мне удалось лишь в 1998 году.

Мама очень надеялась, что я смогу встретиться также с отцом Владимиром. Связь с ним была прервана из-за

нашего уезда в Россию и дальнейшей череды семейных утрат и невзгод в те испытательные для всех 90-ые годы. Конечно, по приходу в храм мне горестно было услышать про болезнь и кончину батюшки. Но у Бога все живы. Сегодня нам можно бывать на могилке отца Владимира, а также молиться о его упокоении с упованием на то, что он находится рядом с Богом и также печется обо всех нас. Ведь он действительно *«читал Евангелие своей жизнью»*...

Переплетение духовных нитей таинственно. Все встречи случаются не просто так. Вот и отец Владимир получал духовные уроки от посылаемых ему учителей. Среди них были:

Духовник Валерий Поведской, начавший свой пастырский путь под руководством святых Алексия и Сергея Мечёвых; предстоятели Эстонской Церкви епископы – Исидор (Богоявленский) и Иоанн (Алексеев), рукоположивший отца Владимира в диаконы и во священники; митрополит Вениамин (Федченков), бывший на покое в Псково-Печерском монастыре, где с ним встречался отец Владимир; преподобный Симеон Псково-Печерский; отец Пётр Серёгин – духовник Пюхтицкой обители, прозорливая инокиня этой же обители – Екатерина; отец Петр, живший в тайном постриге (облачение, в котором отец Владимир был похоронен – это его подарок)...

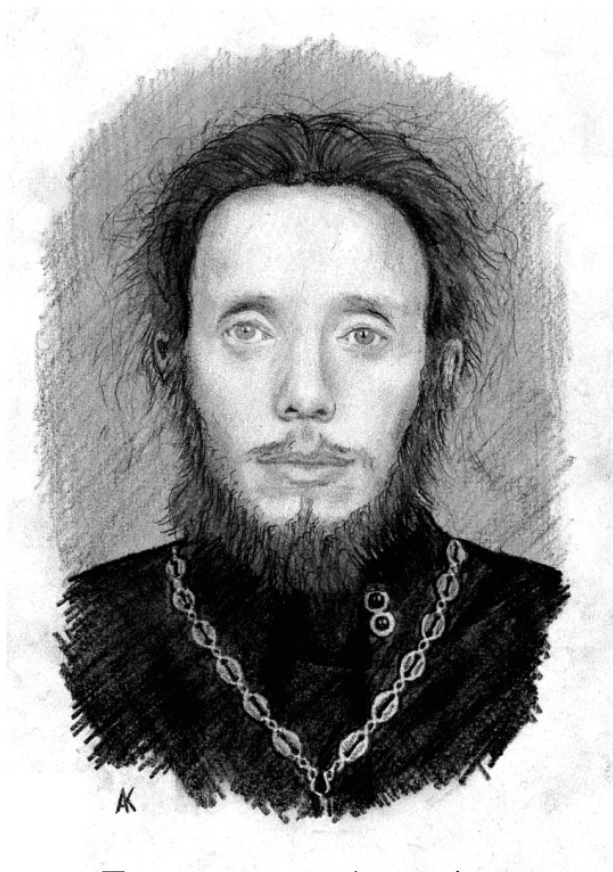
Когда всматриваешься в жизнь человека, оказавшего доброе влияние и на твою собственную судьбу, то замечаешь, что ваша встреча также была не случайна...

Таллинн. Январь. В сиянии фонарей падает мягкий снежок. Сердце уносится на много лет назад, к той всеобщей в соборе Александра Невского. В жизни так важно увидеть лицо человека, просветленное даром веры. Я его видела...

Для меня чудо – встреча с любящим сердцем.

Протоиерей Александр Маслов

(30.11.1972 – 30.12.2011)

«Держись и надейся!»

(Последнее СМС отца Александра, отправленное им из больницы своему духовному чаду)

В жизни каждого человека порой случаются знакомства с удивительными людьми, о которых можно сказать, что их Сам Бог нам в утешение посылает.

Согласно Евангелию у нас и «волосы на голове все сочтены» (Лк.12:7), потому, всё, что происходит с нами, конечно же, бывает с заботливого Божьего произволения. Это касается и встреч. Если мы внимательны к своей жизни, то непременно заметим среди них те особые, которые словно солнечные зайчики, ободряют душу, помогают нам осознать что-то новое, увидеть ещё невиданное, расслышать до сей поры какие-то не слышанные ранее мелодии, словом, стать немного ближе к небу.

Одной из таких встреч стало для меня знакомство с красноярским протоиереем Александром Масловым. По земным меркам его земной путь окончился рано – в сорок лет. Но у Бога для каждого человека предусмотрен свой срок. А те добрые дела, которые успел совершить батюшка за свою жизнь, не каждый осилит и за сто лет.

С ним и его супругой, матушкой Мариной, мы с моей подругой Надеждой познакомились во время паломнической поездки в 2004 году. После, несмотря на внушительное расстояние между Красноярском и Санкт-Петербургом, отец Александр, благодаря переписке по электронной почте и мобильной связи, всегда был рядом своим соучастием, советом, заботой. Встречались мы также и в каждый приезд батюшки в Северную столицу.

Перед Новым 2011 годом я отправила в Красноярск поздравительное сообщение по мобильному телефону. А ответа всё не было. Вдруг – звонок матушки Марины:

– Ты знаешь, а ведь у нас батюшка умер...

– !?

– 30 декабря, вечером, почти под Новый год..

Сердце обожгло понимание того, почему я не получила отклик на мою СМС-ку. – Когда я её отправляла, отца Александра уже не стало...

Я хочу рассказать об этом священнике не только потому, что он и его семья дороги мне лично. Жизнь протоиерея Александра – живой пример жертвенности и духовного мужества во имя Господа и ради ближних, пример, на котором ещё раз утверждаешься, что с Богом возможно всё.

Как-то шутя, отец Александр поведал нам, что в 14 лет ему вдруг очень понравилось слово «атеист». Паренёк всем сразу сообщил, что он теперь «настроен атеистически», хотя, по его признанию, он и понятия конкретного об этом «-изме» не имел. Просто словечко мудрёное приглянулось. Позднее в родном Красноярске он увидел полуразрушенный храм и был поражен красотой его архитектуры. Тогда юный Саша, даже и представить себе не мог, что именно там и станет однажды служить Богу.

Батюшка всегда рассказывал о себе с иронией, любил пошутить, а о серьёзных проблемах умалчивал. Он не обременял ими никого, не позволял себе проявлять малодушие и саможаление. А трудностей у него хватало.

В 17 лет Александр неизлечимо заболел. Но будущий священник не отчаялся. Напротив, он твёрдо возразил своим поникшим и уже заранее оплакивающим его родным: «Не сдадимся! Будем жить!»! Болезнь стала «точкой отсчета», изменившей его последующую судьбу. Он обратился к Богу, начал ходить в только что открывшийся после периода советского богоборчества храм, где оказался единственным молодым человеком среди прихожанок-бабулечек. Настоятель, приметив юношу, вначале предложил ему место алтарника, затем – пономаря.

Александр окончил медучилище, психолого-педагогический факультет Красноярского Государственного университета, высшие богословско-пастырские курсы. И это – «приговоренный врачами к смерти» человек!

С 1995 года Александр Маслов занялся миссионерской работой с молодежью Красноярска. Это происходило в то время, когда в городе не было ни одной православной организации, способной серьезно противостоять многочисленным сектантским тусовкам. Так появился первый православный молодежный клуб, который сегодня ведёт активную проповедническую и социально-культурную работу. В нем батюшка как раз и встретил свою будущую супругу – Марину. В семье родились дочь Даша и сын Феодор.

По словам батюшки, для него очень важно было создать в Красноярске такое место, где сможет собираться православная молодежь, где будет атмосфера любви Христовой, взаимопомощь, понимание и единокровие. Недаром красноярский священник Виктор Теплицкий, духовник отца Александра и соратник в его начинаниях, вспоминал, что ему всегда хотелось назвать батюшку «нянем». Мол, был такой советский фильм «Усатый нянь», а у них в клубе – «нянь бородатый».

По воспоминаниям протоиерея Виктора, отец Александр действительно нянчился с каждым человеком, вникал в его проблемы и жизненные обстоятельства, но не сентиментально, а по существу. Батюшка умел отсекал второстепенное, видеть главное и полезное для людей. У него получалось воззвать к здравому смыслу человека, к голосу его совести, но без назиданий и морализаторства, а спокойно, с любовью. Несмотря на свою болезнь, батюшка никогда не жаловался на плохое самочувствие. Он был оптимистом, смотрел на мир радостно. Каждый человек,

общаясь с отцом Александром, ощущал дружеское плечо, поддержку, сердечное соучастие в своей жизни.

14 октября 1997 года в Покровском кафедральном соборе Красноярска Александр Маслов был рукоположен во диакона, а 21 декабря 1997 года – во пресвитера. До 2003 года батюшка служил в Покровском храме, затем в Благовещенском соборе одноименного женского монастыря, образованного в 1990 году. Именно этот собор однажды и привлек внимание юного Саши своей архитектурой...

Болезнь постепенно прогрессировала. Становилось труднее ходить. По его же словам, он «скрипел суставами, как несмазанный Железный дровосек». Бывало, руки у батюшки за время службы отекали так, что он не мог вынести Потир. Иногда это приходилось делать другому священнику. Но Господь давал сил, по крайней мере, на время Литургии. И всегда-всегда батюшка благодарил за это Бога!

Он никогда не унывал. Преодолевая собственный недуг, отец Александр сохранял удивительно доброе, трогательное отношение ко всем, даже к животным. Матушка Марина вспоминала:

Однажды к ним во время обеда на стол заполз паучок. Она хотела его смахнуть, а батюшка, остановив её, весело спросил:

– Тебе, что, места жалко? Оставь его.

Этот паучок прожил у Масловых два года. Каждый раз, когда семья садилась за трапезу, он, удивительным образом узнав об этом, выбирался из своего потаенного уголка и «кушал» вместе с людьми.

За годы служения у отца Александра не случилось конфликтов ни с прихожанами, ни с клириками. Он умел ладить с людьми, находить общий язык, независимо от их возраста, положения в обществе и убеждений. Несколько

лет батюшка исполнял обязанности ключаря Свято Благовещенского храма, был духовником монашествующих в обители, духовником воскресной школы для взрослых при монастыре, курировал «Благовещенскую газету» в духовных вопросах.

Особое место в жизни протоиерея Александра занимала переписка. По электронной почте к нему приходили письма не только из разных уголков нашей страны, но и из-за рубежа. И он старался ответить всем. Помню, матушка во время приезда семьи Масловых в Санкт-Петербург жаловалась мне, что батюшка вместо того, чтобы отдыхать, порой целые ночи проводит за компьютером. На все её увещевания у него один ответ: «Люди ведь спрашивают, ждут, волнуются. Если человеку плохо, надо помочь».

Однажды был такой случай. Матушка, проснувшись под утро, застала супруга за чтением. Перед ним лежало несколько книг, и он их сосредоточенно по очереди просматривал. Она вздохнула, что уже вставать пора, а он ещё и спать не ложился. Отец Александр, перелистывая страницы, ей задумчиво ответил: «Мне тут прислали письмо... Не знаю, как правильно ответить... Ищу, как учит церковь. Я же не могу от себя что-то советовать».

Такое вот смирение было у батюшки и верное понимание духовной жизни. Не посягал он, когда был в замешательстве, мудрствовать и выдумывать отсебятину, а полагался на опыт святых отцов. Не мог просто так отписаться и не помочь чьей-то душе.

Отец Александр заботился обо всех, кто искал его поддержки, обращался к нему. Мне было неловко осознавать, что и я находилась в числе подобных «ожидателей» писем от батюшки, и тоже, вероятно, повинна в его бессонных ночах. А он торопился... Торопился жить и делать добро.

Благодаря отцу Александру, прекрасно образованному, имеющему тонкий художественный вкус человеку, я была в курсе различных книжных, телевизионных и музыкальных новинок, как православных, так и светских. Мы с ним многое обсуждали, откровенно высказывая своё мнение. Он мог внезапно прислать какое-то фото, заметку, ссылку на новую книгу с краткой припиской «читать непременно», полагая, что меня это тоже может заинтересовать. У нас сложилось удивительное взаимопонимание. Безусловно, это его заслуга – чувствовать людей, быть с ними на одной волне. Все эти весточки из Красноярска обогащали и согревали мою душу.

Однажды в ненастный ноябрьский день, когда на сердце в силу житейских обстоятельств было также пасмурно, мне пришло СМС сообщение из Красноярска:

– Третий день идет снег. Большие пушистые снежинки наметают сугробы. Всем привет и хорошего настроения!

Батюшка словно почувствовал мои душевные неурядицы и неожиданно подбодрил. Совпадение или нет, но после прочтения этих простых строк всю мою хандру, будто рукой сняло.

С теплом вспоминаю встречи с отцом Александром в Санкт-Петербурге. Однажды летом, гостя в Северной столице у своих духовных чад, он заехал и ко мне в гости, и мы вместе с ним и моей подругой Надеждой, с которой впервые и познакомились с батюшкой, «гоняли чай» и вели задушевные беседы.

Батюшка показал массу фотографий, сделанных в Киево-Печерской и Почаевской Лаврах, из паломничества в которые он тогда сам только что вернулся. Рассказчиком отец Александр был замечательным! Казалось, что я сама посетила эти святые места: спускалась в пещеру Иова Почаевского, с благоговением стояла подле мощей

преподобного Алипия иконописца, Нестора летописца, почитаемого как отца русской истории, Илии Муромского, Иулиании Ольшанской и других святых. Именно благодаря бабушке мне очень захотелось побывать в Киеве, что произойдёт в моей жизни позже, уже после его кончины...

А вот другая, зимняя встреча в Петербурге, когда за трапезой собрались бабушкина и наша семьи. В дополнение к прочему угощению, я нарезала кольцами большие сочные апельсины. Сегодня перед глазами так и стоит тарелочка с этими рыжими солнышками, дарящими летнюю радость, хотя за окнами было снежно. На память остались чудесные фотоснимки того дня, а также удивительные истории, рассказанные бабушкой.

Наша семья очень любит бывать в Свято-Успенском Псково-Печерском мужском монастыре. Оказалось, что именно с этой древней обителью связано чудесное событие и в семье Масловых.

Однажды отец Александр увидел в ломбарде Псково-Печерский Образ Богородицы. Он узнал, что она была подарена наместнику Московского Свято-Данилова монастыря Священно-Архимандриту Евлогию в день посещения им Псково-Печерской обители ещё в 1985 году. Как этот дивный Образ из Москвы попал в красноярский ломбард уже в XXI веке, выяснить бабушке не удалось. Отец Александр выкупил икону и вскоре взял её с собой, когда с группой паломников из Красноярска поехал в Печоры. Он рассказал в монастыре о том, как Образ пришел к нему, и получил благословение оставить его у себя. Когда из паломнической поездки в Псковские края он вернулся с этой иконой в Красноярск, то, по его словам, вдруг ошутимо почувствовал, что Сама Божия Матерь вошла в их с матушкой дом...

Кстати, матушка Марина с мамой и детками также ездила в Печоры, но уже через год после кончины отца Александра...

Батюшка любил фотографировать. Он тонко подмечал красоту Божьего мира и умел её передать. Сегодня нередко просматриваю присланные им фотографии: пейзажи, храмы, его семья... Все проникнуто светом и небом! Так мог видеть окружающее лишь любящий Бога, жизнь и людей человек с прекрасной душой, с добрым сердцем. И внешне батюшка тоже был красив. Моя подруга как-то сказала: «С отца Александра можно иконы писать»...

За трапезой мы могли поговорить обо всём на свете. Часто касались тем духовно-нравственного состояния людей, событий в стране и в мире, истории. Отец Александр также восторгался нашими петербургскими храмами. Он был счастлив, когда ему удавалось по благословению настоятелей послужить где-то молебен.

Эти теплые встречи, проходящие в единодушии с дорогими сердцу людьми, я сохраняю в памяти, как драгоценные подарки Господа.

Как именно произошло наше знакомство в далеком 2004 году? Расскажу об этом подробнее, так как и все сопутствующие события были необычными. В той поездке мне посчастливилось не только обрести новых друзей в лице отца Александра и матушки Марины Масловых, но и вместе с ними стать свидетельницей возрождения многих святых мест нашей страны, что-то открывать для себя впервые, а что-то из знакомого по книгам, наконец, увидеть воочию.

В июле того года моя коллега и подруга Надежда приняла Таинство Святого Крещения. Я выступала в роли восприемницы, свидетельницы серьезного духовного шага моей приятельницы, потому также разделяла

ответственность за её выбор. В честь этого события мы и намерились провести грядущий отпуск в паломничестве.

Замечали ли вы такую закономерность: если предприятие для вас полезно, то всё складывается так удачно, что диву даешься? Вот и мы едва задумались о поездке, как буквально на следующий день в Александро-Невской Лавре вдруг встретили объявление с приглашением в паломничество. Сроки поездки замечательным образом совпадали с нашими отпусками, а программа охватывала массу святых мест, притягивающих православное сердце.

Утро дня отъезда выдалось по-питерски дождливым. Экскурсионный автобус должен был отправиться от Казанского собора. Наша обоюдная сверх ответственность пригнала нас на Канал Грибоедова первыми из всей группы. Остальные попутчики начали подтягиваться к месту сбора минут через пятнадцать. Наконец подкатил и автобус. Посадочные места на билетах были указаны, и никто не спешил на штурм салона.

Паломничать коллективно мы с Надеждой ехали впервые. Сразу же обратили внимание на то, что женщины придерживались православного «дресс кода» – длинные юбки, шарфики-косыночки.

Среди всех выделялась пара – священник и его спутница (как мы потом узнали – жена, матушка Марина). Обоим около тридцати. Батюшка был в облачении. Его внешность сразу заинтересовала нас. «С него можно иконы писать!» – тогда-то и подметила Надя: длинные вьющиеся волосы, обрамляющие высокий светлый лоб, тонкие черты лица, пронизательные голубые глаза. Под стать ему была и стройная красивая матушка в длинном зеленом платье.

Когда все разместились в автобусе, групповод привлекла наше внимание: «Дорогие братья и сестры, здравствуйте! Познакомьтесь – отец Александр Маслов. Он

станет окормлять нашу поездку. Они с матушкой – гости нашего города, приехали из Красноярска. В пути вы можете задавать батюшке вопросы или исповедаться у него, если захотите причаститься в посещаемых нами храмах».

Отец Александр учтиво всем поклонился, потом повернулся лицом к иконе, расположенной у лобового стекла автобуса, перекрестился и начал неспешно читать тропарь Николаю Чудотворцу. Только затем автобус тронулся.

До того дня я никогда близко не общалась с матушками. Понятно, что у православного белого духовенства есть жёны, но свою семейную жизнь священники, как любые нормальные люди, не афишируют. А ведь именно матушки – их истинные друзья и верные помощницы. Марина Маслова нам с первого взгляда очень понравилась, от её искренней улыбки исходили доброта и тепло.

Из Петербурга автобус мчал по федеральной Московской трассе. Тогда на дорогах ещё не было таких пробок, как в наши дни, поэтому автобус мог именно «мчать».

Перед Валдаем остановились в Ижицах, чтобы посетить святой источник Казанской Божией Матери. По преданию здесь обретают помощь люди, страдающие глазными недугами. В памяти и сейчас живо встает картина, как мы всей группой поднимаемся меж сосен в гору, потом спускаемся по склону, ведя отчаянную борьбу с комарами. Подходим к источнику. Течёт, течёт целительная вода по железному желобку. Набираем бутылочки, умываемся, и душа светлеет.

Удивительное место! Сегодня там всё благоустроено для гостей-паломников: поклонный крест, купальня, часовенка, стол со скамьями, чтобы путники могли

посидеть, отдохнуть, перекусить. А вот в 2004 году – только водичка по желобку. Ледяная, живая, врачующая.

После Ижиц внезапно распогодилось. Групповод предложила остановиться где-нибудь у водоёма, чтобы искупаться. Освежиться все были не прочь. Правда, до выбранного озера пришлось порядком пройти. Но в летний день прогуляться только в радость! Возвращаясь к автобусу после купания, мы с подругой собирали цветочки, срывали заманику-землянику. Оглядываемся, а за нами идут отец Александр с супругой. Я тогда видеокамеру в поездку брала, много снимала. Вот и остались заветные сказочные кадры, озвученные моей подругой: «Батюшка с матушкой идут, яголки в ладошках несут. Красота!». От их пары исходил чудесный дух семейного лада. Мы с Надей невольно залюбовались. Разговор завязался сам собой. И мы сразу как-то сдружились.

Помню, матушка рассказывала о том, как в детстве ходила с братом в сибирский лес по ягоды:

– Вышли мы на полянку. Благодать-то кругом! Сели на травку отдохнуть, птичек заслушались и не заметили, как уснули. Вот родители-то нас потом искали!

«Птичек заслушались»... Для меня её рассказ был откровением. Жизнь в Петербурге напряжённая, нервная. Всё куда-то бежишь, опаздываешь, волнуешься. Про «птичек» до этого разговора мною было напрочь забыто. А тут – словно пелена с глаз: оказывается, в жизни помимо городской суеты есть лес, полянки, лето... Можно просто посидеть, птичек послушать, как когда-то в детстве. Очень я была благодарна матушке за то, что она что-то важное пробудила в моей душе своим нехитрым рассказом. А в нашей поездке продолжались плестись-заплетаться кружева событий и встреч.

В древнем новгородском селе с необычным названием Выдропужск, теперь находящемся в Спиловском районе

Тверской области, произошло первое для меня омовение в святом источнике, именованном в честь Георгия Победоносца. Помню страх перед ледяной водой, обжигающий холод при погружении и ощущение небывалой лёгкости потом. Но самым ярким впечатлением от остановки в Выдропужске было посещение восстанавливаемой протоиереем Георгием Ивановичем Беляевым церкви Смоленской иконы Божией Матери. (Сегодня отец Георгий причислен за штат по состоянию здоровья)...

Батюшка встретил нашу группу радушно. Мы приложились к удивительной иконе Божией Матери Одигитрии, именуемой также Выдропужской. После молебна была трапеза. И несмотря на то, что ужинали мы в ещё не восстановленном помещении, атмосфера была настолько сердечной, что при воспоминании тех минут и сегодня у меня теплеет на душе.

Отец Георгий рассказал нам о своем необычном приходе во священники (до того он был сотрудником милиции), о начале служения в этом храме. Порой ему приходилось литургисать, когда из прихожан и были-то лишь матушка с младенчиком в коляске. Сложно было после долгого безбожного периода сердцам местных жителей открываться Богу. Оказывается, порой кто-то из них, то ли дурной шутки ради, то ли от злобы бесовской бросал в купель святого Георгиевского источника битые бутылки из-под водки. Вот священнику и приходилось доставать осколки, подолгу стоя в ледяной воде... Но он не унывал, а верил, что получится возродить и храм, и колокольню, и потянется народ в церковь...

Тогда из уст выдропужского батюшки я услышала замечательное выражение: «Дочка, помни, кто как молится в жизни-то, тот так и живет». Ох, как верно это, как правильно!

Воспоминания о Выдропужском Образе Богородицы оживляют в памяти и рассказ отца Георгия о том, что старинная местная поговорка, касающаяся этой чудотворной иконы, звучала так: «Где я ни бываю, где я ни летаю, а Выдропужск спасала и спасать буду».

А наш путь лежал дальше. Мы проехали Тверь, посетили Сергиев Посад, Александровск, где мне запомнилась монахиня Вероника из Успенской обители. Она сопровождала нас в келью преподобного Корнилия, а потом раздала каждому освещенные сухарики. Новый мир открывался перед нами. Мир, где жизнь течёт по иным внёмірским законам... Я впервые увидела монашескую келью – маленькую комнатку, где подвизался святой: красный угол с образами, лавка, стол, простые плетеные половички... Необычное благоговение охватило тогда. Много ли надо человеку в жизни? Мы вот всё копим-копим, квартиры покупаем, дачи, машины. А тут – простая комнатка, а так в ней сердцу хорошо, уходить не хочется...

Далее мы посетили Суздаль, Владимир, Боголюбово... И везде – своё, русское, благодатное...

Во Владимире настоятель Успенского собора, благословив нашу группу, подвел всех к иконе Владимирской Божией Матери. Он рассказал, что это – список с образа, что создал апостол Лука, хранящегося ныне в Никольской церкви Третьяковской галереи в Москве. Но и список сей чудотворен.

– Я часто вижу, что стоит кто-то пред этой иконой, рыдает, молится. Значит – беда у него, о милости Пречистую просит. Проходит время. Снова этот человек в храме – снова плачет у иконы, но уже от счастья, благодарит...

Каждый день мы посещали храмы и монастыри, были на литургиях. Конечно, были в поездке, как говорится, и искушения. Но это всё – мелочи, словно случайные

камешки, попавшие в обувь. Остановился, вытряхнул и иди дальше по той удивительной дороге, которая подарена тебе сегодня.

Приехав в Боголюбово, отправились к храму в честь Покрова Пресвятой Богородицы, стоящему над рекой Нерль. Я в нём бывала ещё в студенческие годы. Уже тогда всем сердцем полюбила эту русскую церковь-лебёдушку.

Утро. Мы неспешно идём по тропинке среди заповедного луга. Других организованных групп паломников, да и самостоятельных пилигримов пока не видно. Солнце светит, ветер разносит аромат разнотравья. Небо синее, с редкими невесомыми облачками. Подходим к речке. Только перейти, и мы – в храме. Но не спешим и останавливаемся напротив него на высоком берегу. Стоим, слушаем рассказ о русском князе Андрее Боголюбском. Отец Александр сосредоточенно смотрит в небо, видимо, молится. Внезапно он прервал нашего экскурсовода восторженным возгласом: «Смотрите»!

Мы подняли взоры к небу, и...! Вначале все застыли, а потом, когда оцепенение от увиденного прошло, стали хвататься за фотоаппараты, видеокамеры... Прямо над нами, над холмом напротив Покровской церкви облака на синем небесном холсте слились в явный силуэт женщины, держащей покров и православный крест! Это чудесное зрелище продолжалось недолго. Вскоре облака рассеялись...

К храму уже направлялись стайки туристопаломников, а мы всё ещё не спешили покидать то место, над которым только что вся наша группа в сорок семь человек видела удивительное. Мы смотрели друг на друга и улыбались, глаза были влажные.

Что это? Благословение? Небесный Покров у Покровского храма? А групповой галлюцинации быть не могло? Кто ответит, да и надо ли знать все ответы?

После поездки мы созванивались с некоторыми паломниками. Оказалось, что ни у кого фотографий и записей видео того небесного явления над Нерлью не получилось. Сдали и мы с Надей свою «кодаковскую» фотоплёнку на проявку. На негативе было видно, что «там что-то есть», но именно этот кадр перед печатью фотографий в ателье забраковали. Мы попросили всё равно напечатать, как бы там ни было, и... У нас есть эта фотография!

Наше паломничество продолжалось. После Боголюбова следовали Муром, Дивеево, Санаксары...

В Муроме в Троицком соборе Свято-Троицкого женского монастыря мы причастились, затем приложились, вдыхая медовый аромат горящих восковых свеч, к мощам святых Петра и Февронии, покровителей супружества. Ещё запомнился Николо-Набережный храм, который в народе называют «Никола Мокрый», так как во время весеннего половодья Ока подступает к возвышенности, на которой стоит эта церковь. Именно там с 1991 года находились мощи святой Иулиании Лазаревской. Это – реальный исторический персонаж, героиня классического произведения древнерусской литературы «Повести о Иулиании Лазаревской». Написано оно сыном святой — Каллистратом (Дружиной) Осорьиним. Теперь с 2014 года святые мощи пребывают в близлежащем от Мурома селе Лазарево в восстановленном Михаило-Архангельском храме.

Именно в Муроме я впервые исповедовалась у отца Александра. Решив причаститься у мощей Петра и Февронии, мы с Надеждой накануне вечером отправились на исповедь к батюшке. Матушка Марина на это время из их гостиничного номера выходила и понимающе ожидала на диванчике в коридоре. Принимал исповедь отец Александр неспешно, внимательно, очень бережно... А

ведь это так важно было для меня – верующего, но робеющего перед новым священником человека.

После разрешительной молитвы у нас с батюшкой неожиданно завязался интересный разговор. Тогда и выяснилось, что мы оба имели психологическое образование. Вот и потекла «беседа коллег»... Когда я вышла из номера, Надежда и матушка Марина сочувственно посматривали на меня. Мол, видимо совсем «великая грешница», раз так долго исповедовалась...

В Дивеево мы подгадали приехать к вечеру тридцать первого июля, накануне дня обретения мощей святого Серафима Саровского. Народу – море! Священники и миряне, взрослые и юные, стар и мал. На окраине села для приезжих на торжества был разбит огромный палаточный лагерь. Наша группа расположилась в частном секторе – по несколько человек в домах местных жителей. Оставив вещи, все отправились на святую Богородичную канавку.

Ещё в начале нашей поездки в беседе о Дивеево отец Александр заранее пояснил, что по канавке той надо пройти, читая молитву «Богородице Дево радуйся» 150 раз, как заповедал сам святой Серафим Саровский. Чётки на ту пору у меня не было, поэтому пришла находчивая мысль смастерить их из подручных средств.

С этой целью мы с Надей приобрели в каком-то муромском магазине обычные шнурки и на одной из «зелёных стоянок», ободрав куст шиповника, нанизали ягоды-бусины по 10 штук на один из шнурков, по 15 – на другой. Я себе эти чётки-самodelки сразу намотала на запястья. Увидев «плоды моего рукоделия», отец Александр пошутил: «Ну, всё, Наташа, примут теперь тебя монахини за ворожею, в монастырь не пустят». Посмеялись...

А на канавке эти мои «шнурочки» очень дажегодились. Помню, как я с благоговением ощутила, что в

моей жизни совершается нечто значительное, когда с первым шагом по заветной дорожке произнесла и первую молитву: «Богородице Дево, радуйся...».

Люди двигались по канавке неспешно, не мешая друг другу пребывать наедине со своей душой, просить милости у Богородицы. Здесь уже не до компаний, не до групп. Все были самостоятельны. Лично сами предстояли перед небом, молились о сокровенном.

Передо мной шёл высокий монах с длинной ниткой бусинок-чётков. Он перебирал их ровно, в определённом ритме. Вокруг стояла тишина. Удивительное дело: в монастыре – масса народа, за канавкой жизнь кипит, уже всенощная началась (службу из храма транслировали прямо на улицу). А здесь – тишина и умиротворение. Тут – присутствие Её, Пречистой. Колокольня подсвечена лучами заходящего солнца. Вспархивают стайки голубей. Идут люди. Течёт молитва.

Одной рукой я перебирала на шнурке с 15 шиповничками по одной ягоде за каждую прочитанную молитву, а другой – отсчитывала десятки. У меня получилось прочесть Богородичное правило не 150, а 300 раз. (Те мои первые в жизни «чётки» я до сих пор храню).

У конца канавки нас с Надей поджидали батюшка с матушкой. И тут отец Александр с детским задором произнёс: «Знаете?! А я молитву целых 300 раз прочёл!» «И у меня столько же вышло!» – подпрыгивала я от радости. Окружающие люди с укоризной посматривали на наше с батюшкой странное веселье. И тут мне вспомнилось, что сам царь Давид-псалмопевец от восторга и любви к Богу мог приплясывать и петь Славу Ему. Вот и мы с отцом Александром искренне выражали счастье быть в гостях у Господнего друга – преподобного Серафима Саровского, пройти по его канавке!

Потом мы всю ночь стояли в длинной очереди верующих, чтобы приложиться к мощам великого Божьего угодника. Наша группа поддерживала друг друга, одним давая возможность сходить окунуться в источники, а тем, кто не собирался причащаться на литургии, отойти, чтобы перекусить. Мы читали акафист (впервые для меня на церковнославянском) и молитвы преподобному Серафиму. Кстати, та ночь в Дивеево преподнесла ещё один урок.

Мы с Надей проголодались и тоже решили пойти купить пирожков. Оказавшись за стенами монастыря, направились в сторону уличных кафе-палаток. Народ «отдыхал» и там. На столах стояли распитые бутылки, звучала громкая, зачастую бранная речь, гремела музыка. Было ощущение, что ты пересёк незримую границу, отделявшую ставший уже родным и понятным тебе православный мир от мира иного, чуждого, недужного. Жизнь для меня в тот момент словно разделилась на «там, в монастыре» и «здесь, не пойми где». И непреодолимо захотелось вернуться «туда».

К мощам батюшки Серафима мы приложились уже на рассвете. Запомнилось лицо монахини, несшей послушание у раки. Сосредоточенное, серьёзное, строгое. Я в своих чётках-самоделках с кучей бумажных иконок в руках, которые сама приобрела для подарков, и которые меня просили приложить, поклонилась Преподобному и припала к его святым мощам. Мгновение, и уже надо уступать место следующему паломнику. Множество людей ещё жаждет подойти. Существуют непередаваемые словами благодатные ощущения души. Именно их я тогда и испытала.

На следующий день состоялась поездка в Санаксарский Рождество-Богородичный мужской монастырь, где незадолго до нашего визита в 2001 году

почил старец Иероним. Побывали мы на его могилке, почтили память подвижника.

В этой обители главными святынями, конечно же, были мощи преподобного Феодора, преподобного Александра-исповедника и первого канонизированного адмирала Феодора Ушакова, причисленного к лику святых в 2001 году на местном уровне Саранской епархии. Впервые в истории христианства был прославлен флотоводец. Решение о его общецерковной канонизации было принято в 2004 году. Память праведника почитается 15 октября (день кончины) и 5 августа (день прославления).

Монастырская всенощная казалась нескончаемой. Кто-то выходил во двор, чтобы посидеть на лавочках. Вот и мы с подругой тоже... Что поделать – немощные! Над монастырём витал запах свежеиспечённого хлеба. Как удержаться?! Буханки горячие, аппетитные! Вернулись на службу уже к елеопомазанию.

Садимся в автобус, задаренные впечатлениями. Одаренные через край, но не чересчур. Душа всласть напиталась благодатью, и эта благодать, переполняя сердце, светилась во взглядах, ощущалась в тихих беседах. Ты словно за пазухой у Господа!

После Санаксар отправились на источник святого Серафима. Наш экскурсовод рассказывал случаи явлений преподобного старца солдатам, охранявшим в советские годы источник от посетителей, о чудесных исцелениях. А я, подвернув накануне ногу, и натрудив её за день, всё думала о том, долго ли придется идти? – Щиколотка не на шутку опухла.

Доехали уже затемно, но путь к озерку был хорошо освещен. Батюшка Александр предупредил, что источник преподобного Серафима – очень холодный. Вода около 4 градусов.

Я с трудом доковыляла до цели в хвосте группы. Все уже переодевались. Помня первый свой «выдропужский» опыт омовения, засомневалась. Ужасно боюсь холода, а этот источник прямо ледяной – окунаться или нет? Но вот как-то по инерции заодно со всеми тоже надела рубашку для омовения. Зашла в воду – ноги моментально свело судорогой. Собрав остатки женского мужества, перекрестившись, окунулась три раза: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!» Всё, всё, выбегаю!

Это я потом сообразила, что «выбегаю», а ещё минуту назад и наступить-то на ногу, не морщась от боли, не могла. Опухоль исчезла! Недаром батюшка говорил: «Люди, кто с верой окунаются, здесь потом очки оставляют, костыли – из-за ненадобности»...

Переоделась, нашла Надю, радуемся с ней, как дети. Вдруг рядом послышалось: «Матушка, это ты плещешься»? Смотрим – матушка Марина смело трижды ныряет с головой! Отец Александр, встречая жену, помогает ей выйти из воды, заворачивает в полотенце. Красота их отношений, словно чудесный цветок, раскрывалась на наших глазах. Оказывается, такая бережность друг к другу бывает не только в сказках или фильмах, но и в реальной жизни.

Наша поездка близилась к завершению. Когда автобус был уже недалеко от Петербурга, отец Александр предупредил: «Вы, мои дорогие, сейчас такие счастливые, радостные, только прошу вас, не обрушивайте сразу всю эту благодать на родных да знакомых. Мы-то всё это постепенно больше недели копили, а они ведь к этому не готовы».

Признаюсь, я не раз потом вспоминала эти мудрые слова священника! Немало дров было наломано от своего порой чересчур бурного излияния духовных восторгов на

ближних. Вот и приходилось порой пожинать плоды-обиды на них – не понявших, не дослушавших...

А тогда мы возвращались и были радостны духовной радостью, счастливы немирским счастьем. Всё в жизни стало проще. Всё в России стало ближе. Появились и вошли в мою жизнь удивительные красноярские друзья. И словно Сама Божия Мать благословила нашу паломническую группу там, над берегом Нерли, когда мы застыли перед Её Покровским храмом, устремив взгляды в синее русское небо.

Всё это сохраняется в душе и укрепляет сердце. Та поездка – моя история встречи с отцом Александром, который потом будет дарить мне целебные «духовные витаминки», помогать, поддерживать, «нянчить». А ведь у батюшки была масса других знакомых, друзей, чад, которые также получали искреннюю любовь и заботу этого удивительного человека.

Одна женщина, духовная дочь отца Александра, однажды поделилась со мной таким рассказом:

– Я как-то решила пожаловаться батюшке на свою знакомую, которая меня не просто сильно обидела, но даже изрядно напугала. До слёз я была расстроена. Рассказываю о ней взхлёб, а отец Александр смотрит на меня и улыбается. Я это заметила и осеклась, а батюшка и говорит: «Прости её, Господи! Пресвятая Богородица, помоги ей!» И всё! Для меня это был строгий урок. Я же вся извелась, жалею, негодую, а ведь по-христиански надо было лишь простить, пожалеть да помолиться о том несчастном человеке.

В духовной жизни не надо мудрствовать. Следуй за Христом да старайся жить по Его заповедям. Отец Александр так и поступал. За свои священнические труды он был награжден правом ношения набедренного и камлавки, наперсного креста, а 26 апреля 2011 года

возведен в сан протоиерея. Он оставался на духовной передовой до последнего своего вздоха.

Сегодня недруги церкви любят муссировать тему «попов на мерседесах», а мне хочется дополнить свою историю рассказом о последних днях жизни моего знакомого русского священника.

Накануне кончины, будучи уже в очень тяжелом состоянии, отец Александр навещал прихожанку-инвалида, которую окормлял несколько лет. Вернулся домой и слёг. Его увезли на «скорой» в больницу. Через два дня, 30 декабря батюшка окончил свой земной путь. Буквально перед смертью, он отправил СМС со словами ободрения и пожеланием веры своему знакомому, также находящемуся в больнице. В сообщении было всего два слова: «Держись и надейся!»

Я думаю, что это и есть истинная любовь к ближнему, когда человек даже перед смертью заботится о других. До последнего вздоха батюшка нёс свое пастырское служение.

Протоиерей Александр самой своей жизнью проповедовал Евангелие всем, с кем сталкивался на пути. Он сразу привлекал к себе своей добротой, милосердием, тонким юмором, вежливостью, интеллигентностью, искренней любовью. И семья Масловых была удивительной. Недаром говорят, что свет притягивается к свету. Именно матушка Марина, с которой мы продолжаем сердечное общение и после кончины батюшки, в 2015 году очень помогла мне, когда умерла моя мамочка. В тот горький сентябрь лишь родные удерживали меня от отчаяния. И вдруг звонок из Красноярска... Проникновенные, особо нужные и верные для сердца слова, я услышала именно от матушки Марины. Она предложила вдвоем читать Псалтирь... Когда-то наша семья разделила её боль, теперь она – мою.

Я помню, как матушка рассказывала, что при кончине отца Александра пальцы его правой руки остались сложенными для крестного знамения. А последними словами моей мамочки была молитва: «Господи, прости нас грешных»! Эти близкие мне люди до последнего вздоха молились Богу, были с Ним.

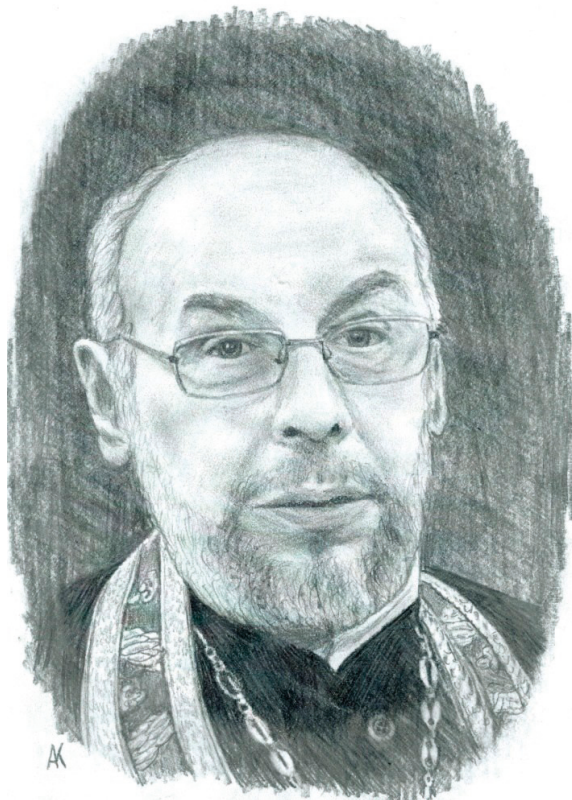
Сегодня невольно думаешь, почему из 47 участников той паломнической поездки, которую окормлял отец Александр, именно у нас с Надей сложились с ним такие теплые отношения? Когда в твоей жизни происходит подобное чудо (а добрые встречи для меня всегда чудесны), то в сердце рождается ответное: «Слава Тебе, Господи»! И недаром Митрополит Красноярский и Ачинский Пантелеимон по случаю кончины протоиерея Александра Маслова сказал:

– Служением своим в совершенстве он исполнял заповедь Спасителя: «Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царствии Небесном» (Мф. 5:19).

Батюшка своим ненавязчивым примером учил нас исполнять заповеди Христовы. С того самого мгновения, когда он уверовал в Господа, он отдал Ему всю свою жизнь, всего себя, служа с любовью и верностью.

Протоиерей Александр Григорьев

(23.03.1950 – 17.06.2014)

«Жить, чтобы только Богу угождать»

(Из стихотворения отца Александра «Завещание»)

Все наши встречи при земном странствии не случайны и для чего-то даруются Богом. В их многоликом ряду есть те, что оказывают особое духовное влияние на нашу жизнь, хоть порой мы осознаем это и не сразу...

Таким было моё знакомство с петербургским протоиереем Александром Григорьевым. Память о нём сегодня согревает сердца множества его знакомых, духовных чад, прихожан, ради спасения души которых он нёс свое пастырское служение. Повествование о жизни этого замечательного священника, который отошел ко Господу 17 июня в 2014 году, мне помогла написать супруга батюшки – матушка Лидия. Также добавлены некоторые факты его биографии, взятые из книги самого батюшки «Путь к покаянию».

Александр Валентинович родился в 1950 году в Ленинграде в семье служащих: инженера Валентина Ивановича и Валентины Васильевны, работавшей бухгалтером. В Великую Отечественную войну отец будущего священника дошёл до Берлина, пронеся с собой через все фронтовые испытания маленькое Евангелие. Мать пережила блокаду Ленинграда. В церковь маленького Сашу Григорьева впервые привела бабушка Елизавета Дмитриевна, когда ему было года три-четыре. Он всю жизнь помнил то первое сердечное ощущение радости и покоя.

Семья Григорьевых была верующей, но в храм они не ходили из-за опасения неприятностей. Отец, правда, иногда рассказывал дома что-то из Священного писания, потому росток веры в душе мальчика был. Но последующая учеба в советской школе, где всем как догму навязывали теорию Дарвина, сбила его с толку. В итоге он стал предполагать, что Бог создал людей с помощью эволюции от обезьяны, а потом просто позабыл о них, предоставив жить, как хотят. Склонный к созерцательности, ощущавший благодать при взгляде на

облака, природу, цветы, Саша под давлением навязываемого безбожием рационалистического отношения к жизни к шестнадцати годам почти утратил эту особенность. Мир стал плоским и серым. Но только вот в отношении к будущему осталось ожидание чего-то таинственного и необыкновенного.

Молодой человек рано стал задумываться о смысле жизни. Он опасался прожить её как-то не так, не выполнить своего предназначения. Поиски привели к выводу, что лишь христианство дает ответ на этот вопрос. И вот он, крещеный в раннем детстве, сознательно пришел к Богу, будучи уже взрослым.

Находясь на отдыхе в Феодосии в 1975 году, Александр познакомился с протоиереем Екатеринбургского храма Борисом Златолинским (впоследствии епископом Запорожским и Мелитопольским Василием), и после судьбоносного разговора с ним принял решение стать священником.

В то время такое желание выполнить было очень сложно. Например, в 1976 году в духовную семинарию приняли только одного ленинградца, в 1977-ом – лишь троих... Но Сам Господь промыслительно вёл будущего пастыря к заветной цели через все преграды.

Когда Александр с твердым намерением стать священником вернулся из Феодосии домой в Ленинград, он даже не представлял себе, с чего начать. Но уже тогда будущий батюшка мудро умел положиться на Волю Божию: если ему суждено служить у алтаря, то это непременно как-то произойдет. Работал он тогда шофером. Маршрут автобуса проходил мимо Николо-Богоявленского собора. В выходные Александр ходил в этот собор на службы, исповедовался и причащался. Как-то зимой выйдя из храма, он увидел лопату и решил помочь разгрести снег, на который не поспешила зима.

Подошедший дворник, увидев нечаянного помощника, удивился. Завязался разговор. Узнав, кем работает Александр, дворник сказал, что собору как раз нужен водитель, и что, если нужно, он может поговорить со старостой. Поначалу молодой человек усомнился устроиться по такой рекомендации, но отказываться не стал. И удивительное дело – вскоре он действительно был принят на работу шофером в собор. Когда Александр писал заявление об увольнении по собственному желанию, начальник, узнав, куда уходит его работник, внезапно спросил, нет ли там ещё мест! Получив отрицательный ответ, этот коммунист, авторитетный начальник большой автобусной колонны, попросил достать ему Библию... В те годы в нашей стране купить подобную литературу было практически невозможно. Был страшный духовный голод.

На новом месте в Николо-Богоявленском соборе Александр на автомобиле «Победа» возил старосту, завхоза, ездил за свечами, просфорами... Под колокольной рядом с гаражом у него была комнатка, где он часто оставался ночевать. Когда в собор случайно поступило десять экземпляров Библии, Александру тоже разрешили купить одну книгу. Теперь он её изучал постоянно. Но что же делать дальше?

И вот снова чудесная цепь событий. – Начальник ремонтной бригады их собора перешел работать помощником эконома в Ленинградскую семинарию и академию. Зная о желании Александра стать священником, он пообещал ему дать знать, если в духовной школе вдруг понадобится шофер. Через полгода действительно появилась такая вакансия. Занять её Александра Григорьева благословил митрополит Никодим. Узнав, что новый шофер хочет учиться в семинарии, владыка предложил вначале посмотреть, как пойдет работа, а потом уже поговорить и о поступлении.

В обязанности Александра часто входило возить старейшего архиепископа Мелитона, ставшего его духовным отцом. Возможность частых бесед с преосвященнейшим владыкой была драгоценным подарком. Кроме того, у Александра появилась возможность посещать семинарскую библиотеку. Он сразу жадно взялся за «Добротолюбие», но духовный отец отсоветовал пока эту книгу, более предназначенную монахам. Он предложил почитать Феофана Затворника. И Александр стал изучать такие книги знаменитого русского Богослова, как «Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться» и «Путь ко спасению». Также близкими для него оказались и творения Святителя Игнатия (Брянчанинова). Позже архиепископ Мелитон подсказал для чтения «Невидимую брань» преподобного Никодима Святогорца.

Именно этот период самообразования под началом мудрого духовника стал для будущего священника путём к постижению важнейшей стороны православия – духовности, спас его, как отмечал сам батюшка, «от обрядоверия и теплохладности». Много позже уже в своих статьях именно от этих качеств он будет предостерегать современных пастырей Христовых.

Ещё до учебы в семинарии Александр осознал, что смысл духовной жизни состоит не в «вычитывании правил», а прежде всего в стремлении к внимательной молитве, в борьбе со страстями и грехом. И постигал это он, не просто читая книги, а опытно.

Ленинградскую духовную семинарию батюшка окончил в 1983 году, в 1984-м был рукоположен во диакона, а в 1991-м – во пресвитера.

В сложное постперестроечное время, находясь в должности настоятеля, он участвовал в открытии храмов в честь преподобного Серафима Саровского в посёлке Песочный (ст. Графская), Казанской церкви Новодевичьего

монастыря, церкви на Ковалевском кладбище, храма святого Александра Невского в следственном изоляторе №1 «Кресты» и храма Святителя Николая Мирликийского на улице Лебедева, 37а.

Его священнический путь был суровым испытанием на верность Христу. Помимо возрождения храмов батюшка добровольно избрал себе ещё одно важнейшее поприще – окормление заключенных. Поднять его без Божией помощи было бы просто невозможно.

Как известно, миссия христианской церкви по окормлению тюрем осуществлялась уже с апостольских времен. «В темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф 25:36). Во времена языческих гонений в узилищах совершались богослужения, звучали духовные беседы, организовывалась материальная помощь. С государственным принятием христианства изменился сам взгляд на заключенных – в преступнике стали видеть образ Божий, затемненный грехом, но способный к восстановлению через покаяние.

Тюремное служение Церкви на Руси стало одним из дел милосердия. О нём радел Святитель Пётр, митрополит Московский. Преподобный Иосиф Волоцкий увещевал пастырей: «Поскорби, вздохни, прослезись с ними», чтобы посредством христианской любви вернуть падшего человека на праведный путь. Московский юродивый, святой Василий Блаженный навещал в тюрьме пьяниц с душеспасительной целью. Святейший Патриарх Никон, лично посещая темницы, подавал пример всему православному клиру. Святитель Митрофаней Воронежский при объездах своей епархии щедро жертвовал на тюрьмы и согревал души заключенных словом утешения. Святитель Филарет (Дроздов) писал, что необходимо «обратить места заключения в нравственные лечебницы души». Суть тюремного миссионерства

Владыка сводил к рождению искреннего покаяния в душе отступившегося, составив «Молитву заключенного».

Вспомним слова великой княгини Елизаветы Федоровны: «Подобие Божие может быть иногда затемнено, но оно никогда не может быть уничтожено». Она даже ходатайствовала о помиловании Ивана Каляева, убившего её мужа – генерал-губернатора Москвы, великого князя Сергея Александровича. Получив отказ, посетила узника и уговаривала его принять священника и покаяться в содеянном. До революции 1917 года в тюрьмах проповедовали также и студенты Санкт-Петербургской Духовной Академии.

После падения советского режима зачинателем духовно-церковного окормления мест заключения становится Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Ридигер), впоследствии – Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. В 1991 году им был освящен храм во имя священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского на территории исправительной колонии №5 поселка Металлострой, строительство которого было начато в 1990 году руками самих заключенных. Этот храм стал первым действующим на территории исправительных учреждений современной России. После посещения колонии Святейший Патриарх не прекращал её духовную поддержку.

Протоиерей Александр достойно продолжил эту церковную миссионерскую традицию в Санкт-Петербурге. Возможно, недаром, как считал сам батюшка, дата его рождения – 23 марта – совпала с днём, когда совершается память благоразумного разбойника. Пути Господни неисповедимы...

Не случайно, в репортаже «Журнала Московской Патриархии» за 2011 г. отмечалось, что *«протоиерей Александр Григорьев мог бы быть наглядным учебным*

пособием для тех, кто занимается в Церкви окормлением заключенных».

Батюшка считал, что «опыт тюремного служения был бы полезен каждому священнику», так как там «они познакомились бы с психологией заключенных, и им было бы проще постигать, каковы истоки в основе проблем девиантного поведения современного человека и как их можно преодолевать, не отгораживаясь от реальности».

Мне кажется необходимым подробнее рассказать о том, как началось и совершалось это его поистине жертвенное служение.

Став иереем в 1991 году, батюшка согласно евангельскому наставлению о том, что пастырь должен заботиться даже об одной заблудшей овечке, оставив при этом других, мирно пасущихся, решает посетить тюрьму с целью духовной поддержки заключенных. Так случилось, что его друг протоиерей Николай Аксенов в то время окормлял женскую колонию в Саблино. Он-то и взял отца Александра с собой, предварительно заказав для него пропуск.

Батюшка вспоминал, что первое посещение тюрьмы оставило тягостное впечатление: «Даже мурашки бегали по спине, и ты всем нутром ощущаешь, как это – оказаться в заключении на годы». В зоне находилась молитвенная комната, где отец Александр отслужил молебен и поисповедовал женщин. Несмотря на их жалкий вид и пропахшую табакон и потом одежду, которая могла вызывать брезгливость, он почувствовал сердечное сострадание к этим несчастным душам, решив посещать тюрьму и дальше.

Приближался праздник Пасхи. Накануне так совпало, что батюшку пригласили осветить куриную ферму. На вопрос о том, чем его можно отблагодарить, отец Александр попросил яиц для женской колонии. Ему дали 2 большие коробки, где было более 700 штук. И вот, на

второй день Пасхи он вручил всем заключенным по освещенному пасхальному яичку, что вызвало большую радость.

В течение года он продолжал ездить в Саблино, принимал исповеди, причащал. Постепенно стал привыкать к тюремному служению. Ждали батюшку и сами заключенные. Вскоре произошло очередное промыслительное событие. По чудесному совпадению, у одной из прихожанок отца Александра оказалась дача именно в Саблино. И теперь он «убивал двух зайцев» – отвозил хозяйку на дачу, за что она, по своему настоянию, оплачивала бензин и давала подарочки для заключенных, и посещал колонию.

Сам батюшка всегда тоже покупал узицам лук, чеснок, лимоны – необходимые витамины, которые в то сложное, постперестроечное время в тюрьмах были в дефиците. Интересно то, что он многократно был свидетелем такого стечения обстоятельств: исповедует желающих, а потом дает каждой по луковке-чесночинке. И в сумке всегда оказывалось именно столько этих нехитрых подарочков, сколько женщин приходило на исповедь. Он сам удивлялся этому.

Множество жизненных трагедий открывалось перед батюшкой во время Таинства исповеди. Вместе с этим росло и чувство сострадания к оступившимся женщинам. Видя причины их преступлений во вспышках гнева и раздражения, способных довести даже до убийства, отец Александр в проповеди все чаще обличал именно эти грехи.

Поездки в женскую тюрьму происходили параллельно с восстановлением храмов и служением в них. Жизнь отца Александра всегда была напряженной. И вот однажды звонит ему знакомый священник, окормляющий следственный изолятор «Кресты», и просит занять его место из-за того, что сам уезжает служить на новый

приход, далекий от Петербурга. Надо отметить, что отец Александр однажды бывал у него в «Крестах», и вот он как-то даже не думая согласился.

Поначалу родные его отговаривали. Ведь одно дело – иногда посещать женскую колонию с 1500 заключенными, где есть свой настоятель, строящий храм, а другое – стать духовным окормителем петербургского СИЗО, где находится 7500 человек, среди которых есть жестокие рецидивисты. Но батюшка принял твёрдое решение.

Окормлять заключенных в СИЗО отца Александра, как я уже упоминала, по его собственному желанию и прошению назначили в 1999 году. Он не получал за это никакой зарплаты. Поначалу ему разрешали лишь причащать людей в каком-нибудь кабинете.

Возвращать церкви храм, находящийся на территории «Крестов», где на ту пору размещался клуб, тюремное начальство отказывалось. Служить литургию было негде. Отец Александр оказался в тупиковой ситуации. За духовным наставлением он отправился в Псковскую область на остров Залит, к старцу Николаю Гурьянову. Там он получил совет обратиться к известному петербургскому протоиерею Иоанну Миронову в храм «Неупиваемая чаша» на улице Цветочной и напутствие, что «храм откроют, и кресты на него поставят».

Отец Александр так и поступил. Оказалось, что настоятелю «Неупиваемой чаши» как раз нужен был помощник. Вот и вышло, что по воскресным и праздничным дням батюшка стал служить у протоиерея Иоанна Миронова, получая небольшую зарплату, а по будням безвозмездно исповедовал заключенных в «Крестах». Количество обращающихся возросло до сорока человек в неделю, и тюремному начальству волей-неволей пришлось пойти навстречу. В 2001 году храм открыли. На купола, как и предрек старец Николай Гурьянов, в том же году установили кресты.

Мне довелось самой побывать в этом храме в 2006 году, когда батюшка пригласил меня на рождественской неделе выступить со стихами и авторскими песнями перед заключенными. Я очень хорошо помню тот энтузиазм, то горение, с которым отец Александр мне все показывал. На полу лежали прекрасные оконные рамы, которые вскоре должны были заменить старые. «Видите, Наташа, какие они! Это же – настоящая лиственница!», – с радостью говорил он.

Ещё один храм возрождался усилиями протоиерея Александра Григорьева из небытия. Восставал там, где в нём была особая нужда. Если вспомнить историю, то название «Кресты» эта тюрьма, построенная в 1890 году и являющаяся самой образцовой в Европе того времени, получила в народе сразу. Обусловлено это было тем, что корпуса с камерами по форме постройки представляли собой два одинаковых равноконечных креста. Идея их создателя, академика архитектуры Антона Осиповича Томишко заключалась в том, что тюремное заключение должно быть нераздельно с духовным покаянием.

На верхнем этаже центрального корпуса на частные пожертвования был построен пятикупольный храм. 3 июля 1890 году епископ Выборгский Антоний освятил его во имя святого благоверного князя Александра Невского. После революции храм закрыли в 1918 году. С куполов демонтировали кресты. Помещения стали использоваться для административных целей учреждения.

И вот через 80 лет на Пасху в 2000 году впервые после революции на территории следственного изолятора прошел крестный ход, в котором приняли участие не только заключенные, но и их родственники. Конечно, такие события без воли Божией не происходят.

Отец Александр, прикладывая большие усилия для восстановления каменного храма, более заботился о храме души человеческой. Он был не равнодушен к тяжелым

условиям, в которых находились подследственные. По этому поводу батюшка дал интервью корреспонденту газеты «Аргументы и Факты». В итоге в следственный изолятор приехал председатель комиссии Евросоюза, а затем его посетил тогда ещё премьер-министр, а впоследствии наш Президент, В. В. Путин. Многое тогда было пересмотрено, благодаря чему значительно улучшились условия содержания заключенных.

Насчет открытия храма, являющегося памятником архитектуры, батюшка обращался также к действующему тогда губернатору Санкт-Петербурга В. А. Яковлеву. Постепенно были изготовлены колокола весом 90, 140 и 400 килограмм, а так же шесть маленьких.

Батюшка изыскал средства для замены системы отопления не только в храме, но и в кабинетах изолятора, расположенных возле него. Был произведен ремонт сорока оконных рам, высота которых от трех до семи метров. Именно их-то я и видела, будучи на выступлении в «Крестах». Также были разобраны перекрытия, отделявшие в советское время купол от храма.

По разрешению следователей и судей в храм стали выводить находящихся в СИЗО обвиняемых и подсудимых, желающих исповедоваться или принять Таинство крещения, а также осужденных, оставшихся в изоляторе отбывать наказание. По субботам регулярно совершались молебны, на которых присутствовали порой родственники подследственных. Кроме того, в тюремный храм приходили и те, кто хотел засвидетельствовать слова Иисуса Христа, обращенные к своим ученикам: «В темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25:36).

Случалось батюшке выступать и по телевидению. Он призывал горожан участвовать в деле исправления заключенных. Люди откликались, жертвовали книги, нательные крестики, продукты... Духовная литература была утешением для людей, озлобленных на свое

положение, не верящих в помощь Божию, а потому пока не готовых на диалог со священником. Тогда эти книги, пожертвованные горожанами, тоже делали своё дело по спасению душ правонарушителей.

Несколько лет в учреждение поступала газета «Православные кресты». Во время церковных служб отцу Александру разрешили включать местную радиотрансляцию, и множество заключенных слушало молитвы и проповедь священника. Положительное духовное влияние также было оказано и на многих сотрудников администрации.

Нам, мирянам, сложно представить, чего стоит священнику участвовать в Таинстве исповеди. А то, с какими жизненными трагедиями, смертными грехами исповедующихся людей сталкивался отец Александр в следственном изоляторе «Кресты», и подумать страшно. И он, будучи в эпицентре чужой боли, жестоких страстей, с Божьей помощью находил силы и нужные слова, чтобы врачевать приходящие к нему души. И там, в этом горестном учреждении, порой случались удивительные вещи, о которых я что-то сама слышала от бабушки, а что-то прочитала в его книге «Путь к покаянию».

Однажды после исповеди один заключенный поделился с бабушкой тем, что хочет дать обет Богу. Если Господь сделает так, что его выпустят из зала суда, то он всю жизнь будет потом Ему служить. Бабушка одобрил, мол, конечно, такой обет дать можно, но вот только без выдвижения Богу каких-либо условий. И если этого заключенного осудят и не выпустят на свободу, то служить Господу всю жизнь – долг любого христианина.

Буквально через неделю отец Александр вновь встретил того человека, только уже ... на улице! Бывший арестант с радостью поведал, что после данного им обета его действительно выпустили прямо из зала суда. Приговор подразумевал лишение свободы на год, а этот год уже

истёк в «Крестах». Удивительно то, что его поделнику при этом дали шесть лет строгого режима.

Закончилась эта история тем, что бывший арестант действительно встал на путь выполнения своего обета. Он уехал в монастырь вначале трудником, потом его приняли в послушники, а после уже постригли в монахи.

Ещё один необычный случай в «Крестах»:

На одну из служб к батюшке среди прочих заключенных привели человека, отличающегося крепким телосложением, подтянутостью и какой-то неуловимой уверенностью в храме, словно всё церковное ему хорошо знакомо.

Оказалось, что когда-то он имел высокий авторитет в преступном мире Ленинграда во время перестройки, но совесть заставила его уйти с пагубного пути. Так как это сделать безнаказанно непросто, то он пообещал своему окружению, что уйдет в монастырь, сменит имя и примет монашеский постриг, тем самым все тайны унесет с собой. Мало того, он пообещал молиться за прежних «соратников». На этом условии те его и отпустили.

Он сдержал свое обещание. И вот, когда уже став членом монастырской братии, ему как-то пришлось выехать из обители по делам своей родственницы, он был по нелепой случайности арестован и попал в «Кресты». Потом, разобравшись, его действительно отпустили. Но пока монах-авторитет находился в СИЗО, там происходили удивительные вещи. Отцу Александру об этом поведали другие заключенные.

Оказывается, когда он только вошел в камеру, то потребовал, чтобы там не курили, не бранились, сняли со стен фривольные фотографии и повесили иконы. Учитывая его прошлый авторитет смотрящего, спорить никто не дерзнул. Он раздал сокамерникам свечи, учил молиться, а потом их всех и привел на службу к батюшке. Конечно, тюремщики, когда пришли в эту камеру с целью

профилактического обыска, удивлялись случившейся перемене. В помещении пахло ладаном, люди не курили, даже молились со свечами.

Через месяц начальник тюрьмы перевел этого подследственного в другую камеру. Безусловно, он сделал это с дальним прицелом. Там тоже был наведен порядок. Таким вот образом за десять месяцев, которые «монаху-авторитету» пришлось пробыть в СИЗО, он исправил поведение в десяти камерах. Когда его выпустили, начальник тюрьмы даже искренне сокрушался, что лишился такого помощника...

И это – не анекдот из жизни арестантов, а правдивая история, произошедшая на глазах отца Александра. Это пример того, как, даже очутившись на самом дне человек может обрести Бога и, уповая на Его помощь, кардинально изменить не только свой жизненный путь, но и судьбы других людей.

Помимо пастырского служения и окормления заключенных отец Александр обладал литературным даром. Его замечательные стихи, проповеди, беседы, басни и рассказы вошли в книги «Путь к покаянию» и «Проповеди и беседы в стихах и прозе». Сегодня в электронном виде их можно найти на сайте петербургского храма Святителя Николая на ул. Академика Лебедева, где батюшка был настоятелем в последние годы своей жизни.

Своё пожелание ближним он оставил в стихотворении «Завещание»:

*...«Жить, чтобы только Богу угождать,
За Богом следовать, а не в грехах блуждать»...*

А вот строки из его стихотворения «Жизни осень»:

*«Кто с юных лет несет свои труды,
Тот осенью пожнет трудов плоды,
Навечно будет смерть побеждена!
Там будет счастье, радость и весна!»*

В непридуманных историях отца Александра отразились многие моменты из его пастырской жизни.

Произведения трогают искренностью, мудрой иронией, сердечностью и оставляют светлое впечатление. И это неслучайно. Протоиерей Александр Григорьев был удивительно солнечным, открытым человеком, дарящим ближним свет Евангельской радости. В своём литературном творчестве, в проповедях и беседах он передавал это состояние и читателю. От избытка сердца глаголют уста. А сердце у батюшки было любящее...

Все, кто знал отца Александра Григорьева, согласятся, что для него не было чужой беды, чужого горя. Его душа болела за всех и радовалась со всеми. Он писал, что «священник должен стараться дать людям утешение». Именно это утешение ближнего среди бурь житейского моря и поддержка человека, стоящего на краю отчаяния, были его пастырским талантом.

Восстановление храмов, глубокая молитва, служение в «Крестах», литературное творчество, проповедничество. И всё это – на пределе, всё – в полную силу, без поблажек самому себе, всё откровенно-искренне-строго. Такие труды невозможно осилить без помощи Божией.

Милостивый Господь подарил отцу Александру верную помощницу, его спутницу – матушку Лидию. Именно ей доподлинно известно, чего стоили все шаги на пути, по которому священник вёл свою паству ко Христу. Поэтому в рассказе об отце Александре, очень важны воспоминания о нём самого близкого человека.

Они познакомились, будучи в гостях у митрофорного протоиерея Димитрия Амбарцумова. Матушка Лидия вспоминает, что её покорили сердечная чуткость, искренность и жизнелюбие отца Александра. А далее последовали годы пастырского служения, когда родные полностью разделили с батюшкой это поприще.

Когда сыну Андрею было около семи лет, у семьи Григорьевых во время поездки в Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь произошла встреча с архимандритом Иоанном (Крестьянкиным). Старец тогда произнёс: «Батюшка будет служить на приходе, а матушка там петь и читать». Так и случилось.

Спустя двадцать лет, в июне 2001 года отец Александр становится настоятелем храма Святителя Николая Мирликийского, также начав воссоздавать его практически из руин. До передачи храма православной церкви в нём находился сварочный цех, произошло два пожара. Многие окна были забиты фанерой, а в алтарной части выгорели вовсе. Сам алтарь был наглухо замурован, а стены в нём ободраны до кирпичей. Крыша текла, отопления, электричества и водопровода не было. Во всех помещениях на полу оказался окаменевший цемент. В это же время, как я упоминала, у батюшки параллельно шло служение в СИЗО «Кресты», окормление подсудимых, открытие и восстановление храма Святого благоверного князя Александра Невского.

Это был период напряженной подвижнической деятельности отца Александра, и его семья всегда была рядом. Любовь и взаимопонимание, чуткость и сердечность – вот то, что давало опору, оживляло надежду и укрепляло веру.

В первый год все службы в Никольском храме практически велись «семейным подрядом». Батюшка литургисал, а матушка с сыном пели на клиросе и читали. Так и сбылись пророческие слова старца Иоанна (Крестьянкина). Впоследствии сын Андрей, юрист по образованию, помогал батюшке в решении правовых вопросов, а также выполнял многие его поручения. И если дело отца Александра можно считать «наглядным учебным пособием по церковному окормлению заключенных», то

его семья – добрый пример соработничества священника и его родных.

Отец Александр справился. Выстоял, как истинный воин Христов, и Сам Господь через благие обстоятельства не раз являл ему Свою помощь. Может быть, потому и в людях батюшка особо ценил целеустремлённость, смелость, настойчивость, характерные ему самому. И видя присутствие этих качества в человеке, он помогал ему их раскрыть.

По словам батюшки, он «всегда хотел служить в деревне, чтобы знать каждого из прихожан в лицо». И отраднo ему было от того, что «сейчас, хоть и в городе, но всех знаю не только в лицо, но и по имени».

Со временем в Никольском храме сложился крепкий приход. Так как среди паствы оказалось немало многодетных семей, появилась и воскресная школа. Храм посещали также курсанты Военно-медицинской академии, которые, закончив учёбу, не утрачивали с ним своей связи.

Дело духовно-нравственного просвещения также было одним из первостепенных для отца Александра. Особо это касалось детей и молодёжи. По его словам, *«нравственные нормы установлены не нами и созданы не для того, чтобы мешать жить, а, наоборот, что жизнь без них лишена смысла... и прививать это понимание нужно с детства... Мы должны полностью отказаться от навязывания нам атеистического мышления, отказаться от самой мысли, что обучение и воспитание возможно вне нравственных норм... Без религиозно-нравственного возрождения Россия и весь мир погибнут!»*.

Батюшка считал одним из основных аргументов в пользу преподавания «Основ православной культуры» в школе – необходимость снижения современного уровня преступности. Также с просветительско-катехизаторской целью в июне 2004 года по инициативе отца Александра была основана газета «Православные кресты».

Протоиерей Александр Григорьев был из тех священников, кто «служит на передовой». Богатый пастырский опыт позволял ему аргументированно и мудро выражать своё мнение в статьях по различным злободневным вопросам церкви, культуры и общества. В издании храма Святителя Николая – в журнале «Образ кротости» за декабрь 2013 года мне встретилась замечательная статья отца Александра «О священстве».

Размышляя о состоянии современного пастырства, о вопросах соотношения канонического права с церковной икономией, о том, что священники – это вовсе не уникальные небожители, не инопланетяне, а обычные люди, вышедшие из нашего общества, батюшка особо предупреждает о недопустимости «теплохладности» в иерейском служении.

Отец Александр явился достойным примером современного русского священника с сердцем, горящим любовью к ближнему, пастырем, обнявшего этим сердцем всех своих прихожан, не взирая на лица и звания.

Масштабная работа в «Крестах», а вместе с тем и одновременное восстановление Никольского храма, службы сразу на двух приходах отразились на здоровье батюшки. Ему пришлось уйти из СИЗО, оставшись настоятелем храма на Лебедева. Но отец Александр до последних дней продолжал быть попечителем заключенных, помогал последующему после него настоятелю священнику Георгию Сычеву в богослужениях, отправлял для осужденных духовную литературу.

Сегодня СИЗО № 1 переехал в Колпино. Что будет на месте прежней тюрьмы, пока неизвестно. Возможно – музей, возможно – павильоны для съемок или помещения для модных теперь квестов. Но лично для меня «Кресты» – место подвижничества замечательного русского пастыря, с самопожертвованием исполнившим свой священнический долг перед Богом и вверенной ему паствой...

Дела православной Церкви в противоположность делам мира совершаются не на показ, а сокровенно. Люди чувствуют это и продолжают с любовью помнить достойных пастырей Христовых.

При рассказе о священнике Александре Григорьеве, мне вспоминаются слова духовного писателя Евгения Поселянина: «Всё та же веет над миром сила Христова... Дивные дары посылает Бог тем, кто идёт за Ним. Русский народ поныне в лучших людях своих тот же богоносец, каким был всегда».

Силу батюшкиного благодатного влияния на душу я испытала лично, когда вместо гнетущего уныния, напавшего на меня в силу жизненных обстоятельств, после первой встречи с отцом Александром на сердце снова стало спокойно и мирно.

Однажды он укрепил меня и на творческом пути, оказав врачующую духовную поддержку. Потом произошло моё посещение СИЗО «Кресты», куда батюшка пригласил меня выступить на рождественской неделе. Тёплые взгляды людей... Их благодарные слова... Это был урок того, как важно отдавать сердце! И тогда тебе в ответ – откровенность другой души, снявшей непрошибаемый панцирь и принявшей ненавязчивое поэтическое слово, разделяя «всё твоё ценное»...

Также с благодарностью вспоминаю и предновогодний молебен, совершенный 30 декабря в 2005 году на выставке православных художников в бизнес-центре «Тучков мост». После него батюшка в проповеди напомнил о пророке Данииле и трёх отроках: Анании, Азарии и Мисаиле, которые за верность Богу остались невредимы, не смотря ни на ров со львами, ни на печь огненную.

Во время своего рассказа отец Александр настолько сам светился радостью, что она передалась всем присутствующим! Это была радость духовная в предчувствии того, что за днями Филиппова поста скоро-

скоро наступит само великое Рождество Христово, взойдёт Вифлеемская звезда надежды!

Иногда проповедь в церкви ты просто слушаешь, как должную часть службы, а тут произошло удивительное сердечное согласие. Настолько сильным был проповеднический дар отца Александра. Батюшка вовлекал всех присутствующих в события, о которых рассказывал. Ты словно сам становился реальным очевидцем тех далёких библейских и евангельских событий...

Расскажу и один забавный случай. Работала я на ту пору в крупной компании, где на проходной внезапно решили установить специальные пропускные турникеты. Для прохождения через эту «техно-охрану» необходимы были личные карты с биометрическими данными. Потому весь персонал и отправили сдавать для них отпечатки своих пальцев.

В то время активно велись споры об ИНН и всяких кодах-чипах-печатах. Вот я и засомневалась: а может ли православный человек участвовать в предстоящем мероприятии – сдавать свои «уникальные данные персональные перстов» для пластикового пропуска?

Коллеги намекнули, что наш директор, узнав о моем «бунте», устало вздохнул и сказал: «Не знаю я, что делать с этой Лодеевой». Я тоже не знала, что мне делать со своими пальцами, предоставлять их или нет приехавшим на наше предприятие техникам, и тоже «вздыхала».

Вдруг осенила меня спасительная мысль – надо посоветоваться со священником! Набрала номер мобильного телефона отца Александра. Сегодня, конечно, самой забавно это вспоминать. С чем только мы не обращаемся к батюшкам!

Отец Александр спокойно выслушал мой «странный вопрос» и ответил без тени иронии или раздражения: «Не волнуйтесь. Это дело для вашей же безопасности. Потому сдавайте, Наташа, свои отпечатки. Благословляю». Я

отправилась предоставить мои пальчики к «техноядечкам» и успокоить директора, что «с Лодеевой ничего делать не надо». Но история на том не окончилась.

Когда все были снабжены пластиковыми проходками, лишь моя карта почему-то не стала срабатывать! Охранникам приходилось открывать для меня турникет персонально.

А вот ещё воспоминание. После знакомства с батюшкой и последующих встреч с ним на выставке современной православной живописи и иконописи, где мне довелось выступать со стихами и авторскими песнями, очень захотелось побывать также на службе в Никольском храме на Лебедева. Жила от него я на ту пору очень далеко, но однажды все-таки собралась и поехала. После литургии и проповеди все прихожане направились к отцу Александру для крестоцелования. Я замыкала очередь. Подхожу к батюшке, а он вдруг просит меня подождать... Сам ушел в алтарь и вынес мне две большие просфоры. И говорит: «Это тебе, Наташа, и твоей доченьке», а сам улыбается, просто светится. Я поблагодарила, обрадовалась!

Еду домой. На душе солнечно! И вдруг внезапно понимаю, что до того дня никогда не говорила батюшке о том, что у меня есть дочь! Да, мы беседовали на разные темы, но о своей семье я ничего ему не рассказывала. Откуда он узнал?!

С тех пор прошло много лет. Я всегда с теплом думала об отце Александре. Воспоминания о его улыбке непременно подстраивали струны души в соответствии с батюшкиным жизнелюбием. Мы давно не виделись. Внезапно появилась тяга к новой встрече.

Я случайно узнала, что у отца Александра вышли книги, и очень хотела их прочесть. К тому времени и у меня уже появились собственные сборники стихов «в православном русле», к рождению которых косвенно

причастен был и отец Александр, давший моему творчеству духовную поддержку, так необходимую однажды во время нападения недоброжелательных обстоятельств. Вот и решила я вновь побывать в храме на Лебедева. Хотелось подарить отцу Александру свои поэтические сборнички, а заодно узнать, как можно приобрести и его книги. Звонить в храм заранее не стала. Как-то почувствовалось, что нужно ехать, и всё.

Зимним вечером вошла в Никольскую церковь. Сразу отметила, как она похорошела с момента моего давнего посещения. Обратилась к свечнице с вопросом, когда можно увидеть протоиерея Александра. Та грустно посмотрела на меня и спросила: «А вы разве не знаете, что наш батюшка умер?»

Внезапная весть об утрате дорогого человека, с которым мы давно не виделись, всегда вызывает боль. Я была ошеломлена, просто оглушена. В душе безжалостно звучало: «Не успела»...

Видя моё состояние, свечница вдруг спросила, не хочу ли я встретиться с супругой отца Александра, матушкой Лидией? Оказалось, что та по стечению обстоятельств как раз была в храме! Снова – неслучайные случайности...

В тот вечер мы сердечно пообщались с матушкой. Я подарила ей свои стихи, а она мне – книгу батюшки «Путь к покаянию», которую я с трепетом приняла, словно последний подарок-утешение дорогого для меня автора. Дома читала не отрываясь. Было ощущение, что лично беседую с отцом Александром, и он с присущим ему добрым юмором рассказывает мне разные случаи из своей пастырской жизни.

Близилась годовщина смерти батюшки. Очень хотелось сделать что-то доброе в память об этом светлом человеке. Благодаря матушке Лидии родилась статья «Сердце священника», которую удалось опубликовать на сайте журнала «Вода живая» перед датой упокоения отца

Александра. Мне было очень важно внести эту лепту, чтобы читатели познакомились с настоящим русским пастырем, с его подвижническим служением Господу и людям.

И ещё одним знаменательным событием стало для меня то, что на панихиде в память годовщины упокоения отца Александра, 17 июня 2015 года, совершившейся у его могилки на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга, я вдруг встретила близкого по духу и сердечно уважаемого мною известного петербургского писателя и поэта Михаила Александровича Аникина, редактора международного альманаха «Петербургские строфы». Оказалось, что он не просто хорошо знал батюшку, а дочь Михаила Александровича – Лида, была супругой Андрея Григорьева – сына отца Александра.

У Бога все живы. Может быть, так протоирей Александр Григорьев, сам имевший яркий литературный дар, в тот день ещё раз напомнил нам о важности духовного писательского братства и о первостепенности звучания в творчестве слов об Иисусе Христе и Его Святой церкви...

У БОГА ВСЕ ЖИВЫ

Уже после того, как рассказ о жизни протоиерея Александра Григорьева был завершен, случилась в моей жизни цепь событий, которая удивительно подтверждает Евангельское: «Бог не есть Бог мёртвых, но живых» (Мф. 22: 32).

Мне позвонила знакомая писательница, редактор Мария Мельникова. Она предложила опубликовать в одной газете мою небольшую сказку-притчу. Я когда-то отправляла ей подборку православных сказочек для детей о проявлении Божией мудрости в природе. Среди них и оказался рассказ «Подснежник», тематически подходящий для весеннего выпуска приходской газеты. Чтобы мне получить несколько экземпляров на память, мы с Марией договорились встретиться воскресным днём на литургии в храме Всех Святых в земле Санкт-Петербургской просиявших. Нас с мужем поездка очень заинтересовала.

Дело в том, что возведен этот храм был недавно, в 2017 году, и находится у Левашовского мемориального кладбища, где мы уже давно хотели побывать, чтобы почтить память погибших во времена репрессий безбожного времени. Мария, хорошо знающая это место, предложила провести для нас там экскурсию. Конечно, мы были очень благодарны за такую возможность и в день Торжества православия отправились в Левашово.

После литургии, Мария отдала мне несколько экземпляров с моим «Подснежником», а потом сопровождала нас на мемориальное кладбище. Это было дорого сердцу. Наконец-то мы побывали в том пронзительном для души месте. Только по официальным данным там было захоронено более сорока семи тысяч жертв сталинских репрессий 1937-1953 гг. А сколько имён ещё таится в архивах?!

Мы были очень благодарны Марии за её предложение посетить Левашово, за знакомство с новым храмом, за экскурсию. При нашем прощании я вдруг осознала удивительную вещь. Дело в том, что номера приходской газеты «Церковь в Песочном», переданные мне, выпустил храм преподобного Серафима Саровского. Именно в его возрождении помимо других церквей также как раз и участвовал отец Александр Григорьев! Я поделилась с моей знакомой мыслями об этом совпадении, сказала, что знала батюшку и готовила очерк к годовщине его кончины для сайта Никольского храма на улице Лебедева и журнала «Вода живая». В ответ Мария неожиданно поведала, что тоже была хорошо знакома с отцом Александром и даже регентовала у него в храме Александра Невского в «Крестах»! Мы помянули батюшку теплыми словами и расстались.

Когда мы с мужем сели в машину и уже намеревались ехать домой, то увидели на автобусной остановке подле храма Всех Святых в земле Санкт-Петербургской просиявших пожилого мужчину, который был с нами на литургии. Осведомились, куда он направляется. Он ответил, что едет теперь ... в храм Серафима Саровского в Песочном!...

Понимая, что совпадения сегодняшнего дня отнюдь не случайны, мы предложили его подвезти. Во время пути разговорились. Оказалось, что наш новый знакомый – врач педиатр. Он работал в Духовной Академии Санкт-Петербурга ещё при ректоре (тогда – епископе) Константине (Горянове), причем как раз то время, когда там также работала моя мама, и училась в воскресной школе дочь. Вновь – совпадения?! Я спросила, а не знает ли доктор протоирея Александра Григорьева, так как мы сейчас едем в храм, в возрождении которого батюшка принимал участие. В ответ лицо попутчика озарилось радостью! Оказывается, он не только знал этого

священника, но даже был прихожанином храма на улице Лебедева, где батюшка настоятельствовал в последние свои годы. «И храм – Никольский, и меня Николаем зовут!»

Таким образом, и нам с мужем наконец-то довелось увидеть ещё один храм, возрожденный трудами отца Александра.

На обратном пути я раскрыла одну из переданных мне Марией приходских газет и вдруг увидела фотографию человека, которого мы очень любили и почитали в нашей семье – Сергея Константиновича Поликарпова. В номере была подборка его стихов. Этот замечательный православный поэт и писатель окончил свой земной путь в одном с отцом Александром году. Мы были дружны с Сергеем Константиновичем. Помню, летом 2014 года он звал нас к себе на дачу в Старую Ладугу, чтобы поводить только ему знакомыми тропками по заветным для православного сердца местам. До сих пор грустно вспоминать, что побывать у него в гостях тогда не получилось, а 28 сентября того же года его не стало...

Вот так весенний номер приходской газеты «Церковь в Песочном» стал причиной встречи людей, знавших отца Александра, а моя маленькая сказка «Подснежник» оказалась рядышком со стихами нашего друга.

В рассказе о протоиерее Александре Григорьеве я писала, что наше с ним знакомство произошло своевременно для меня. Именно встреча с батюшкой, его оптимизм, духовная бодрость и любовь помогли мне тогда преодолеть личные душевные неурядицы.

Так совпало, что незадолго перед поездкой в Левашово, у меня в жизни случилось происшествие, меня изрядно расстроившее и выбившее из колеи. Но после причастия в храме и всех событий Дня Торжества православия, на душе вновь стало легко. Я ехала домой и смотрела на картинку с цветущим среди снега

подснежником. Ведь сама же писала в своей сказке-малышке об этом цветке: «Он – вестник новой жизни, побеждающей всякий страх своим полным доверием Богу!»

И сердце чувствовало, что это отец Александр Григорьев вновь помог мне, подбодрил, утешил, чтобы я не смущалась в нелепых житейских бурях, а доверилась во всем Господу.

«Бог не есть Бог мёртвых, но живых» (Мф. 22: 32).

Архимандрит Елеазар (Иванов)

(3.12.1936 – 10.03.2011)

«За сердцем человека нужен уход...»

(Архимандрит Елеазар)

Архимандрита Елеазара знают и с любовью вспоминают очень многие. Он окончил своё земное странствие на 75-м году жизни 10 марта в 2011 году. К счастью мне тоже довелось быть с ним немного знакомой. Верю, что однажды именно его благословение и молитвенная поддержка помогли нам с дочкой и моей подругой избежать реальных неприятностей при поездке в Крым.

Для начала расскажу о жизни этого замечательного человека.

Архимандрит Елеазар (в миру Анатолий Сергеевич Иванов) родился 3 декабря в далеком 1936 году в городе Бологое Тверской области. В храм ходить он начал ещё с дошкольного возраста, а в школе за свою веру в Бога нередко испытывал нападки от преподавателей и одноклассников.

После 10 лет учебы, не смотря на агрессивное отношение советской власти к православию, выбрал дальнейшей стезей именно церковное служение.

В 1956 году Анатолий поступает в Ленинградскую духовную семинарию. Окончив её по первому разряду, будущий священник был переведен в Ленинградскую Духовную Академию без вступительных экзаменов. Её он окончил в 1964 году с присвоением степени кандидата богословия. 24 июля 1964 Анатолий был рукоположен митрополитом Никодимом во диакона. Произошло это в московском храме первоверховных апостолов Петра и Павла в Лефортове. Служить он начал в Николо-Богоявленском соборе Ленинграда, а через год, став священником, был назначен настоятелем полуразрушенной Воскресенской церкви села Петрова Горка Лужского района.

Секретарь горсовета, куда по тем временам необходимо было явиться, чтобы получить право на служение, была сильно удивлена, ведь Воскресенскую

церковь власти уже намеревались закрыть. Но молодой священник смело противостоял этому, и уже на следующий день, в Дмитриевскую родительскую субботу, в ещё недавно приговорённом к закрытию храме он совершил первую самостоятельную Божественную литургию. Также в 1964 году батюшка был пострижен в мантию с именем Елеазар в храме Ленинградской Духовной Академии.

В 1966 году иеромонах Елеазар назначается настоятелем выборжского Спасо-Преображенского собора, совмещая служение с обязанностями епархиального секретаря. В том же году он был определен в клир Свято-Троицкого Собора Александро-Невской Лавры. В 1968 году Батюшка становится настоятелем Спасо-Преображенского храма в поселке Толмачёво Лужского района.

Исполняя обязанности епархиального секретаря, молодой священник однажды допустил высказывание, не понравившееся уполномоченному по делам религий. Дело обстояло так:

Как-то к казначею епархии пришла церковная староста, сказав, что все деньги отдала в Фонд мира. Отец Елеазар ответил, что епархия, поставляющая священников, отпускающая свечи и просфоры, без которых приход не может существовать, оказалась в представлении старосты ниже фонда, содержащего всю атеистическую пропаганду. За это, да ещё за смелые проповеди отца Елеазара в 1969 году перевели (точнее сказать – убрали с глаз долой) в Псково-Печерский монастырь, который стал для него второй «Духовной Академией». В братстве Псково-Печерского монастыря монах Елеазар был священнослужителем, седмичным, канонархом, певчим.

С 1973 по 1974 год батюшке пришлось настоятельствовать в Великолукском Казанском храме. В конце этого срока его возвели в сан игумена с

награждением палицей, а уже в 1980 – в архимандрита с присуждением митры.

С 1983 по 1986 года – архимандрит Елеазар служил настоятелем Ильинского храма села Кулье Печорского района Псковской области. С 1 декабря 2003 года он был вновь зачислен насельником Александро-Невской Лавры, где с 2004 года стал духовником обители. Скончался батюшка в 2011 году из-за тяжёлой продолжительной болезни.

Скупые биографические строки, безусловно, лишь возглавие айсберга духовных трудов, которые поднял в своей жизни отец Елеазар, той великой любви к Богу и людям, той помощи и потаенного молитвенного делания. Множество петербуржцев и приезжих из разных уголков России обращались к нему за духовной поддержкой. И всеми, приходящими к старцу, ощущалось действие Божией благодати. Даже единственная встреча с ним наполняла душу светом!

Кстати, потомок княжеского рода по матери, архимандрит Елеазар был высокообразован, знал языки, юриспруденцию, был тонким ценителем прекрасного. Помимо духовного окормления, он старался прививать своим прихожанам и эстетический вкус, уделяя большое значение красоте православной культуры. В 2006 году архимандрит Елеазар создал Любительский церковный хор «Астрон», с участниками которого однажды мне довелось встретиться и побеседовать на Никольском кладбище Александро-Невской лавры у могилки старца. Сколько теплых слов о нём я услышала в тот день!

Моё знакомство с батюшкой случилось в 2006 году. Мы с дочкой собирались на отдых в Крым. В суете закупились и позабыли взять благословение на дорогу, а отъезд приходился уже на следующий день. Выручила мама. Она подсказала, что нужно срочно ехать в Александро-Невскую Лавру. Там много священников, и мы

точно сможем благословиться на далёкий путь. Также мама обратила наше внимание, что возможно нам удастся пообщаться с лаврским духовником – архимандритом Елеазаром:

– Знаете, девочки, он по виду – строгий батюшка, но на самом деле – очень добрый, очень любит людей. Хорошо бы вы успели к нему, он мне не раз мудрые советы давал.

Мама очень почитала Печоры, так как там начинался её профессиональный врачебный путь. И, конечно, ей было близким то, что Батюшка прошел монашескую «Духовную Академию» именно в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре.

Надо признаться, что строгих священников, или, как я их называю, «батюшек так мне и надо», я очень люблю. Порой жёсткое обличение грехов на меня влияет весьма отрезвляюще. А это в духовной жизни – дело необходимое. И когда такой вот батюшка крепко прихватывает за хвост какой-то мой грех, на его строгость и мысли не возникает обижаться. Правда, после преподанного урока такие батюшки обычно обнимают тебя всей широтой своего любящего пастырского сердца. Поэтому мамино предупреждение особых страхов у меня не вызвало.

Мы с дочкой отправились в Лавру. В Свято-Троицком соборе перед ракой с мощами Святого благоверного князя Александра Невского на стульчике восседал (не сидел, а именно «восседал») седовласый старец, в котором усматривалось удивительное достоинство. Получилось так, что очереди прихожан, устремленной к нему, не было (что оказалось редкостью), и мы, не медля, направились за благословением на поездку в Крым.

Выслушав нас, отец Елеазар напутствовал мою доченьку, чтобы та вела себя «разумненько» и меня слушала. Ещё он посоветовал нам обязательно побывать в святых крымских местах, а потом благословил и протянул какой-то бумажный листочек. Там было написано

«Архимандрит Елеазар» и номер мобильного телефона. Батюшка с тёплой улыбкой посмотрел на нас и попросил также молиться и о нём, а при каких-нибудь недоумениях никогда не стесняться и сразу ему звонить.

– А у святынь побывайте непременно, там и скальные монастыри есть, и храмы удивительные!

– Да у нас же машины нет. Мы – на поезде, да и место малознакомое, – начала возражать я.

– Ничего... Побываете... С Богом!

Ощущение незримой поддержки сопровождало нас с первого дня, как только мы с дочкой и подругой Надеждой приехали в Симеиз. В силу своей несносной склонности всё контролировать и устраивать заранее, я полгода переписывалась и созванивалась с одной женщиной из этого крымского городка, крепко, как казалось тогда, сговорившись, что мы по приезду снимем у неё жильё. Но когда мы появились на её пороге с нашими чемоданами, хозяйка заявила, что уже сдала обещанную нам комнату.

Что делать? Уже стремительно темнело, а место, где мы оказались, было совершенно незнакомым. Но добрый Господь, устроил всё так, как нельзя лучше.

Оставив мою дочку Юлю и багаж у порога тётки-врушки, мы с Надеждой стали наворачивать круги в поисках ночлега, понимая, что найти что-то приличное в разгар сезона да ещё с нашими весьма ограниченными финансами – задачка фантастическая.

Внезапно нас окликнули бабушки, сидящие на лавочке, мимо которых мы раза три уже продефилировали. Узнав о нашей проблеме, одна из них всплеснула руками, мол, у неё как раз есть то, что требуется. Чудесным образом цена за чистую, уютную комнату в точности равнялась сумме, на которую мы и рассчитывали. Тогда мне сразу подумалось, что всё произошло по молитве отца Елеазара. Помнили мы и о его наставлениях посетить святыне места Крыма. И здесь тоже всё складывалось ладно.

Гуляя по Симеизу на следующий вечер, мы разыскали православную домовую церковь. (В 2008 на том месте появится новый храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы). Сердечные прихожане, узнав, что мы из Санкт-Петербурга, принялись советовать побывать у святынь Крыма, о большинстве из которых мы слышали впервые.

Да, у нас не было автомобильчика, о чем я предупреждала отца Елеазара, но мы, как он и предрекал, смогли побывать во многих святых местах полуострова. Например, совершенно чудесным образом мы съездили в Топловский Троице-Параскевиевский женский монастырь, расположенный в 200 км от Симеиза.

Это случилось так. В тот же вечер, возвращаясь из церкви, мы вдруг увидели среди всевозможных экскурсионных объявлений светского толка приглашение в Топловскую обитель. Позвонив по указанному телефонному номеру, услышали:

– Да, свободные места в микроавтобусе ещё остались... Их – три!

За время отпуска нам удалось посетить также Бахчисарайский Свято-Успенский скальный и Инкерманский Свято-Климентовский пещерный мужские монастыри, Херсонес, церкви Севастополя. Мы побывали в храме Воскресения Христова на Форосе, считающемся одной из архитектурных жемчужин на Южном берегу Крыма. Его восстановителя и настоятеля, архимандрита Петра (Посаднева) зверски убили бандиты 20 августа в 1997 году. Именно 20 августа, загодя не зная о той истории, мы с дочкой почему-то и решили туда съездить...

Наши паломничества свидетельствовали о явном помысле Божьем. И всегда была ощутима крепкая духовная поддержка. Но самым удивительным в путешествии было то, как нам удалось избежать явной опасности и не попасть в неприятную ситуацию.

Многим из нас памятна железнодорожная авария, произошедшая летом 2006 года в Крыму. Именно тогда находчивые жители Симферополя моментально взвинтили цены на воду и продукты питания. Уезжающие гости, оказавшиеся пленниками ситуации на Симферопольском железнодорожном вокзале, сидя и лежа на надувных матрасах среди гор чемоданов и плачущих детей, ощутили на себе все прелести «человечности и гостеприимства». Не один отпуск был тогда исковеркан таким окончанием.

Какое отношение это имело к нам? Моя подруга уезжала из Симеиза в Петербург чуть раньше нас. Её отъезд состоялся за несколько дней до той августовской трагедии. А вот наши с Юлей билеты были взяты так, что отправься мы домой в Петербург в положенный по ним срок, – как раз очутились бы в эпицентре злосчастий.

Но вновь Господь оказал нам Своё милосердие. У меня ещё оставались дни отпуска, и в голову внезапно пришла идея поменять билеты на более позднее число отъезда. В кассе на автовокзале Симеиза, где продавались и железнодорожные билеты, обычной очереди к моему удивлению не оказалось. Нам удалось не только поменять дату, но также и переоформить выезд: уже освоившись в Крыму, решили уезжать не из Симферополя, как предполагалось поначалу, а из Севастополя. Дело в том, что как раз оттуда состав и начинал свое следование в Россию. У севастопольского перрона он спокойно около часа ожидал первых пассажиров, а вот на посадку в Симферополе выделялось лишь четыре минуты.

Уже позже Надя делилась с нами рассказом о том, как на себе испытала этот четырехминутный «аттракцион». Поезд на Петербург, прибывающий в Симферополь ночью, приходилось вначале интуитивно отыскать, так как на русский язык объявления на вокзале в тогда ещё «незалежной» Украине не переводились. Потом

предстояло выбраться из толпы отъезжающих с детьми и чемодано-корзино-сумками и успеть залезть в свой вагон...

Вот так мы втроём миновали ту дикую ситуацию с аварией. Надя – чуть раньше, столкнувшись лишь с необходимостью «спринтерского забега» на посадке. А мы с Юлей возвращались из Крыма с севастопольского вокзала уже после разрежения ситуации, спокойно разместившись в вагоне, наполненные благодатными, солнечными впечатлениями...

В Петербурге, не мешкая, отправились в Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры поблагодарить отца Елеазара за его молитвы и духовную поддержку! В жизни так важна благодарность! – Благодарность Богу и людям за всё, нами получаемое. И вот мы с Юлей делились с отцом Елеазаром крымскими впечатлениями и удивлениями, а он смотрел на нас любящими глазами и улыбался...

Когда я вышла после отпуска на работу, ко мне обратилась одна из коллег. Её сестра тяжело болела и уже находилась на грани смерти. Из-за этого обстоятельства моя знакомая впала в глубокое уныние, не зная, что поделать.

Я посоветовала ей сходить в церковь, поговорить со священником, так как по своему опыту знала, как утешающее действует в подобных ситуациях обращение к Богу. Коллега была верующей, но не очень воцерковленной. Видя её желание последовать моему предложению, но вместе с тем замешательство, я поняла, что у неё нет знакомого батюшки, которому бы она могла доверить сердце. Тогда и посоветовала ей съездить в Александро-Невскую Лавру к архимандриту Елеазару. Моя знакомая так и поступила. Вскоре её настроение переменялось. Она стала часто бывать у лаврского духовника. При рассказах об этих встречах лицо её просветлялось.

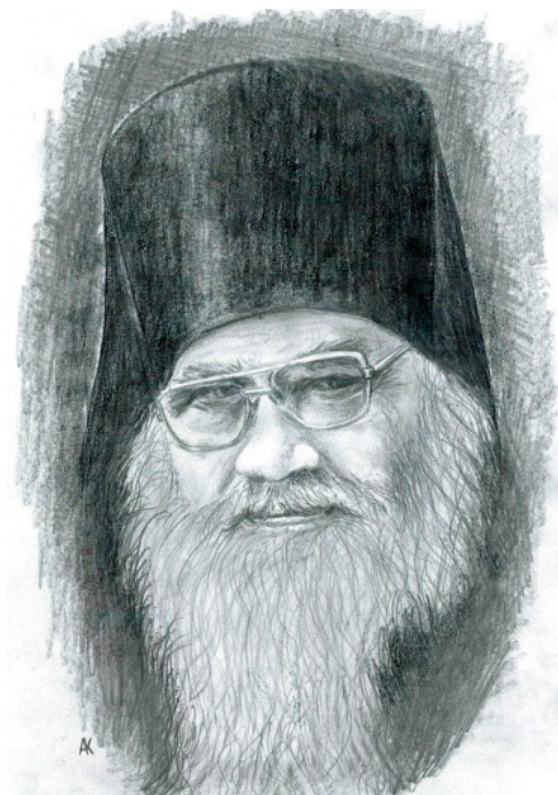
– Он такой добрый! – говорила она. – Мне хоть сердцу полегче стало. Я теперь и сестре больше помочь могу, а то лишь плакала, расстраивая её. Знаешь, я этому батюшке в следующий раз пирожков напеку, порадую его...

Встречи с отцом Елезаром у моей коллеги не прекращались и после смерти её сестры. Он помогал ей пережить утрату, но это уже история другого человека...

В 2011 года на Никольском кладбище появилась новая могилка, куда я обычно стараюсь приходить теперь при каждом посещении Лавры. А дома у меня до сих пор хранится тот бумажный листок, на котором ровным почерком выведено «Арх. Елезар» и номер мобильного телефона, куда всегда при необходимости можно позвонить...

Архимандрит Адриан (Кирсанов)

17.03.1922-28.04.2018

*«Живи просто. Смотри, куда
ножки Христа идут, и иди за Ним»*

Архимандрит Адриан (Кирсанов)

28 апреля 2018 года на 97-м году жизни отошел ко Господу старец Свято-Успенского Псково-Печерского мужского монастыря архимандрит Адриан (Кирсанов). О духовных дарах и силе его молитвы и прежде свидетельствовали священники, духовные чада, миряне, православные писатели... Вот и мне Господь однажды подарил встречу с этим удивительным человеком, оказавшую благодатное влияние на последующую жизнь. Потому я всегда вспоминаю отца Адриана, которого недаром называли «утешающим батюшкой», с благодарностью в сердце. Предварю рассказ о своём знакомстве с ним повествованием о судьбе этого православного подвижника, нашего современника, вся жизнь которого была прожита во имя Бога и людей.

Алексей Андреевич Кирсанов, будущий архимандрит Адриан, родился 17 марта 1922 года в деревне Турейка Орловской области в крестьянской семье. Он рано лишился отца, рос слабым, болезненным ребенком. Однажды мать отправила его к врачу в Орёл, где Алёша случайно зашел в единственный действующий в ту пору храм. Во время службы отроку было явлено духовное откровение, определившее его будущую жизнь. С иконы, перед которой остановился мальчик, сошла Пречистая Дева, словно бы стоящая на поле брани.

Рано начав трудовой путь, Алексей работал слесарем на заводе, с которым в начале Великой Отечественной войны был отправлен в эвакуацию в Таганрог. При приближении немцев он помогал ликвидировать заводские цеха, после ушел в партизаны. Когда наши войска освободили Орёл, Алексей Кирсанов вступил в их ряды. Охранял гаубичные пушки в Коломне, но в связи с болезнью сердца был демобилизован и стал работать на заводе имени Лихачёва в Москве.

По благословию Патриарха Пимена Алексей в 1957 году принял монашеский постриг с именем Адриан в

Троице-Сергиевой Лавре, насельником которой был с 1953 до 1975 года. Он не покинул обители даже тогда, когда внезапно сгорел их дом, и мать просила его приехать и отправиться на заработки, чтобы приобрести жилье. Батюшка, прозрев, что это – искушение, усилил молитву к Святителю Николаю Мирликийскому. Вскоре ему неожиданно принесли сумку с деньгами и запиской, что деньги предназначаются матери монаха, у которой сгорел дом.

Поначалу в монастыре он нёс послушание трапезника, затем заведовал производством свечей. В 1970 году был рукоположен в священный сан. Вскоре после этого батюшка Адриан почувствовал способность помогать бесноватым и получил на это благословение патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского), а также лаврского духовника братии отца Кирилла (Павлова).

У его кельи собирались толпы несчастных болящих, одержимых нечистой силою людей. Вначале с пяти утра отец Адриан их исповедовал, потом читал молитвы, изгоняющие злого духа. Многие люди исцелялись и преображались – успешно работали и исповедовали Христа.

По словам батюшки, главное, чтобы человек вновь не начинал грешить, иначе по Евангельскому слову изгнанный бес возьмет семь злейших себя духов и вернётся (Мф. 12, 45). Правда, деятельность эта была не по нраву не только атеистическим советским властям, но и завистникам среди братии. (К сожалению, «мухи зависти» летают и в православной среде). После инцидента, когда при виде священника-«бесогона» беснование внезапно проявилось у одной американской туристки, из руководства ЦК КПСС последовало распоряжение «Убрать Адриана из Лавры в 24 часа». И 26 августа 1975 года он был переведен в Псково-Печерский Успенский мужской монастырь.

Батюшка нелегко перенёс расставание с любимой обителью, у него даже открылась язвенная болезнь. Но как

только он пошёл на поправку, то стал нести послушание братского духовника (до 1978 года) и вновь исповедовал душевнобольных. Продолжал он это служение до 1990 года, а затем стал принимать людей, приехавших за исцелением и советом, с мирскими просьбами и бедами.

Известны случаи его прозорливости и чудесные исцеления по молитвам этого Божьего угодника. Продолжал Батюшка свое старческое служение и по достижении 90-летнего возраста. Именно в Псково-Печорской обители он прошел путь от иеромонаха до архимандрита. Последние годы отец Адриан пребывал в молитвенном бдении, был молчалив. 28 апреля 2018 года его не стало...

Мне очень нравится выражение игумении Екатерины (Чайниковой), настоятельницы Крестовоздвиженского Иерусалимского ставропигиального женского монастыря: «Подвижники не умирают, они переселяются». И верно, как при жизни, так и по своей кончине люди Божии продолжают водворять мир в наших душах. Пусть они пока еще и не канонизированы Церковью, но если угодили Богу, то Господь их уже прославил на Небесах. Они и сегодня испрашивают нам Божией милости.

Конечно, встречи с такими людьми даруются нам не просто так. Если стремиться к знакомству со старцами из праздного любопытства или желания потом похвастаться «духовным авторитетным знакомством», то вряд ли из этой затеи выйдет что-то путное и душеполезное. Всё должно идти от сердца и случаться, когда оно уже готово к событию (хотя, возможно, вы об этой готовности даже и не подозреваете). Соглашусь с Анатолием Франсом, который сказал однажды: «Случай – это псевдоним Бога, когда он не хочет подписываться своим собственным именем».

Наша жизнь не всегда протекает тихо да гладко. Бывают времена, когда ты словно пробираешься по острым камням через колючий бурьян. В один из подобных

периодов в моей жизни мы с друзьями начали почаще выбираться в паломничества. Правда, в духовных вопросах мы в ту пору были подобны слепым котяткам. Те также тыкаются мордочками туда-сюда в поисках тепла и защищенности, а куда ползут, понятия не имеют. Хорошо, хоть мама-кошка контролирует.

Святые места мы посещали не в составе паломнических групп, а сами по себе, самостоятельно. Благословения на поездки брали редко, мало что-то зная заранее об обителях и посещаемых нами храмах, многие из которых в то время только начинали возрождаться.

Но вот что удивительно: каждый раз ощущалось, что и твоя душа тоже возрождается, преображается, что во время всего пути ты словно за пазухой у Господа находишься. Он тебя бережёт и Сам направляет. Возможно, такая Отчая милость была дана нам, немощным жителям пасмурного мегаполиса на Неве, для того, чтобы мы укреплялись в вере, оттаивали, и, встречая на пути добро и любовь, сами становились чуточку лучше.

Шёл 2007 год. В Петербурге стояла золотая осень. Для меня это время года особенно ценно. Вот уже отсверкало лето, оставив на память о себе вихрь солнечных впечатлений. А теперь сердце начинают наполнять задумчивые сентябрьские мелодии. Природа уже не бурно восторгает, а ласково умиляет. Чувствуешь, как душа тоже изменяется, созревает, взрослеет и потихоньку входит в октябрь... Она вбирает в себя тайную грусть листопадов, миг первоснежья, прощальные клики журавлей... В это время меня особенно тянет в святые места.

И вот на Покров Пресвятой Богородицы мы решили посетить Новгород Великий. В день отъезда я внезапно предложила друзьям переменить маршрут. Причиной тому послужил рассказ моей мамы о происшествии, случившемся с ней в Митрополичьем парке близ Петербургской Духовной Академии, где она работала.

Мама направлялась к метро, когда её окликнул и догнал незнакомый монах. Они разговорились. Инок вдруг начал рассказывать о себе, чем расположил и маму к откровенности. Она посетовала о наших скорбях, о моих неурядицах. И вдруг последовал совет: «В Печоры! Непременно! В Печоры – к старцу Адриану!» Мама удивилась, и не случайно. После окончания Ярославского медицинского института она начинала свой трудовой путь именно в этом благословенном месте на Псковщине. Потом на долгие годы был Таллинн, а после перестройки – вынужденный переезд из Эстонии в Санкт-Петербург. Но всегда именно о Печорах мамочка вспоминала с особым теплом. Её рассказ меня тоже заинтересовал, вот я и предложила своим друзьям встретить Покровский праздник в Псково-Печорском Свято-Успенском монастыре.

Похоже, добрый Господь Сам благословил нашу дорогу, так как чудеса начались сразу. Утро в день отъезда выдалось хмурым. Равнодушные синоптики ничего утешительного не обещали. Но когда мы миновали село Рождественское, тучи внезапно рассеялись. За окнами автомобиля улыбнулось солнышко. Наше настроение и так было замечательным от того, что мы выбрались из городской суеты, едем на встречу с новым для нас уголком России, с его древними святынями, потому погодные метаморфозы просто удвоили нашу радость.

По дороге встретили указатель, сообщающий, что неподалеку расположены пенаты Римского-Корсакова. Решили заехать, дабы соприкоснуться и с русской культурной историей.

Парк, окружающий усадьбу, встретил нас торжественно, в облачении золотых и пурпурных риз. Мы с удовольствием погуляли по его аллеям. Дойдя до усадьбы композитора, с удивлением обнаружили у дверей в здание наметенный свеженький сугроб. Словно напоминание, что

завтра – Покров... Удивило то, что больше снега не было нигде!

Дальнейший путь в Печоры одолели благополучно. Даже серьёзные гаишники, остановившие нас «для порядка» уже в Псковской области, узнав о цели нашего путешествия, вдруг весело стали предлагать заехать также к ним в гости, приглашали в такую-то деревеньку, где сулили даже русскую баню. Видимо наше светлое настроение передавалось всем, с кем мы встречались и разговаривали.

В Печорах оказались под вечер. Покружив по городку, выяснили месторасположение гостиницы. Одного, правда, мы не учли: приехать на Покров в древнюю обитель и помимо нас была масса желающих! Разумеется, свободных мест в маленьком отельчике не оказалось. В моей голове уже заметались идеи идти проситься на ночлег к местным бабушкам, как вдруг администратор гостиницы поинтересовалась, а не хотим ли мы снять двухкомнатную квартиру, которую сдаёт её подруга (причем дешевле гостиничного номера)?! Мы чуть было не запрыгали от радости!

Хозяйкой квартиры оказалась молодая женщина по имени Светлана. В доме чисто, уютно, есть возможность пищу на кухне приготовить! – Мечта путешественника! Когда мы разместились, городок уже обняли густые сумерки. Открыта ли ещё обитель для посещения? Была не была, решили поехать.

Я и сегодня помню то чувство благоговения и какое-то смущение, с которыми я впервые вошла в ворота Псково-Печерского монастыря, хотя в православных обителях уже бывала многократно.

Мы с друзьями прошли под арку, спустились по дорожке. Позже узнали, что она называется «кровавой», так как по ней согласно преданию раскаявшийся Государь Иоанн Грозный на руках пронёс до самого Успенского

храма тело преподобного Корнилия, обезглавленного царём в приступе гнева.

Кругом – ни души. Мы подошли к освещенному колодцу. Воду надо было накачивать ручным насосом. Справились. Пили с наслаждением, но постоянно озирались вокруг – не выгонят ли?! Ведь поздно уже, а мы тут разгуливаем... Вдруг увидели двух монахов, и совсем растерялись...

«Ну, всё – сейчас точно погонят за самовольное брожение»!

К нашему удивлению, черноризцы, тихо беседуя, прошли мимо, не обратив на нас никакого внимания... Вздохнули с облегчением: «Наверное, не заметили»...

Мне не давала покоя мысль о старце. Не случайно же накануне нашей поездки моей маме встретился тот инок...

Вдруг мимо нас скорой походкой проследовала пожилая женщина. Она направлялась к одному из монастырских зданий (как потом мы узнали – к братскому корпусу). Я поторопилась за ней. Догнав, поздоровалась и рассказала, что мы из Санкт-Петербурга, и что нам очень нужно увидеть старца «Андрея».

– Андрей, без буквы «н» – поправила она. – Батюшка нынче болен. Почти не принимает. Мы вот, трудники, в монастыре месяцами живём и то попасть к нему не можем. А вы хотите наездом и нахрапом... Вряд ли... Хотя, если Бог даст... Вот что, милые мои, посоветую: попробуйте завтра после ранней литургии подойти сюда, к братскому корпусу. Келья батюшки – на втором этаже. Вон, видите будочку у входа? Там всегда находится дежурный брат. Он может и не пустить, если узнает, что вы к батюшке. Так вы, вот что, проходите смело без разговоров мимо него. Кто вас знает? Может, вы – трудники или ещё по какому-то делу. Просто проходите и поднимайтесь на второй этаж. Увидите людскую очередь перед одной из дверей – туда-то вам и надо. Ну, не ошибетесь.

Я поблагодарила мою собеседницу и вернулась к ожидавшим меня друзьям.

«Непременно, непременно надо попасть к батюшке!» – почему-то тогда я, дотоле лишь читавшая о старцах и их молитвенной помощи, почувствовала, что нас здесь примут.

На следующее утро в монастыре, узнав, где служится ранняя литургия, направились к храму, расположенному над *Богом сданными* пещерами. Эта церковь как раз и именована в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Покровский день в Покровском храме...

Помню мои первые впечатления:

Народу – море! Пытаемся подняться вместе с толпой по ступеням узкой каменной лестницы. Постепенно это получается. И вот мы в древней церкви. Сердце благоговело, жадно впитывая каждое мгновение. Именно в том храме я впервые увидела батюшек-схимников и украдкой с детским любопытством посматривала на них. Это был иной мир. Мир не от мира сего! Моя душа признала это и со смирением ощутила собственную малость и ничтожность. А ещё появилось реальное ощущение, ты – дома...

На той службе мне казалось, что нам неожиданно позволили взглянуть на нечто, действительно значимое в жизни, хоть ещё и не особо понимаемое. Вспомнился таллиннский скорбященский храм из далекого детства, который находился прямо напротив дома, где жила наша семья. Мой первый храм, где свечечки сияют, ладаном веет, и иконочки на стенах золотые...

В Покровской церкви было уютно даже в тесной толпе. Чувствовалось, что находишься в молитвенном единении со всеми.

Служба окончилась. Выходим на улицу. Над монастырём – лазоревое сияние рассвета. Словно сказочная птица-златорица расправила в небе свои огненные крылья. Полюбовались и направились к братскому корпусу...

Мне было совестно пройти по накануне полученному совету «с невозмутимым лицом» мимо дежурного. И я, набравшись смелости, подошла прямо к нему. Мой взгляд при этом скользнул по объявлению на будке «пропускного пункта»: «Старец Адриан не принимает по болезни»... Стараюсь не думать об этом и быстро как можно более убедительной скороговоркой объясняю, что мы – паломники из Петербурга, что это по подсказке одного монаха мы приехали в Печоры... Что он сказал моей маме... Что...

Краем глаза замечаю, как мои спутники неподалёку смущенно переминаются с ноги на ногу. Я прекращаю объяснения и от всего сердца умоляюще произношу:

– Нам очень-очень надо к отцу Адриану! Хотя бы за благословением!

Это сегодня я понимаю нелепость и забавность своего поведения. Вот ведь, трещала-трещала, даже с праздником брата не поздравила. Но дежурный вдруг дружелюбно улыбнулся, вышел из будочки и взял меня за руку. Взял, как берут малого ребёнка, и, кивнув моим друзьям, повёл нас внутрь братского корпуса.

Второй этаж. Длинный коридор. Комнаты-кельки. Напротив одной из них стояло три человека.

– Ждите здесь. Сегодня – праздник. Даст Бог, примет батюшка! – тихо шепнул наш проводник-благодетель и быстро удалился на свой пост.

Мы ждали. Количество желающих посетить старца быстро увеличивалось. Я видела выражения лиц людей, понимала, что все мы здесь собрались не просто так. У каждого своё... Один пожилой седовласый мужчина с военной выправкой горестно прислонился головой к косяку дверей. До сих пор помню, он сказал, что приехал из Сибири. Было видно, что у человека беда горькая...

Я старалась заранее продумать вопросы, ответы на которые, если Батюшка примет, надеялась получить. Мысли

путались, разбегались. Дверь кельи отворилась. Строгая келейница стала приглашать посетителей. Подошла и наша очередь. Мы оказались в маленькой приемной комнатке перед дверью, ведущей в самую келью старца. Дождались. Наш черёд...

Что чувствовала тогда? О старцах лишь слышала да читала, а тут ведь предстояло лицом к лицу встретиться! Да, был сердечный трепет, но не от страха, что обо мне что-то нехорошее прозорливый батюшка узнает, а от того, что в жизни подобная встреча происходит впервые. А нехорошее? Ну, какая грешная есть, такая есть, что ж притворяться? Я шла к старцу с доверием, несла к нему своё сокровенное.

Мы вошли. Перед нами сидел старенький священник. Меня поразило его взгляд. Он обнимал мягкостью, добротой и любовью. Так лишь родители, или, нет, скорее дедушки-бабушки смотрят на своих обожаемых внучат... Все подготовленные заранее вопросы исчезли. Душа вздохнула, сердце утихомирилось.

Батюшка вначале обратился к моим спутникам, весьма удивив их тем, что в нескольких предложениях точно описал их жизни, прошлое и настоящее. Дав Надежде и Виктору свои советы, он благословил нас троих, помазал маслом и, отпустив моих друзей с миром, задержал меня.

Я присела перед ним на низкую скамеечку и расплакалась. Все, что давно копилось и таилось на сердце, вдруг выплеснулось без самооправданий. Я рассказывала о своём наболевшем, о маме, о тревогах и страхах. Слушая, отец Адриан непрерывно молился, тяжело вздыхал и тихо со слезами повторял: «Да, трудно, очень трудно, очень тяжело...». Потом мы беседовали о многом. Батюшка показывал мне иконы, что-то объяснял, благословлял, ещё несколько раз помазывал маслом.

Я помню, что батюшке был дорог подвиг рядового воина Евгения Родионова, погибшего в Первой чеченской

войне, отказавшегося снять православный нательный крест и принять ислам даже перед лицом смерти. Воин-мученик был убит в свой день рождения 23 мая 1996 года после 100 дней плена. Убит зверски – живьем обезглавлен ножом. В тот день Евгению исполнилось 19 лет. Оказывается, его мама бывала у отца Адриана и беседовала с ним.

Батюшка говорил и о том, как важно уметь не поддаваться материальным соблазнам, что сейчас деньги, а не совесть, правят миром, но надо идти за Христом: «Причастие притягивает к Богу»...

Потом он вдруг растопырил пальцы на руке и спросил:

– А знаешь, почему у людей иногда пальчики болят? Каждый показывает, что в твоей жизни неправильно.

Отец Адриан перечислил мне «компетенции» каждого пальца, но вот подробности, правда, я сегодня уже подзабыла. В памяти осталось лишь, что если вдруг указательный перст у вас заболит, значит, в жизни слишком много указываете, командуете не по чину и чересчур. А безымянный палец отвечает за семью. Недаром на нем носят обручальное колечко. Болит, если берешь на себя не ту роль. То есть, если женщина стремится управлять в семье, а мужчина не чувствует своей ответственности...

Кстати, после поездки я буквально через неделю увидела подтверждение той нашей беседы «о пальчиках», но это уже – другая история.

В конце нашей встречи отец Адриан осведомился, были ли мы в пещерах? На мой отрицательный ответ он благословил их посетить.

Я не спрашивала, что вынесли из той встречи мои друзья. О сокровенном молчат. А вот в Богомданные пещеры мы действительно попали очень легко и просто. Подошли к послушнику, отправляющемуся туда с группой «организованных» паломников, и сказали, что мы из Петербурга, и нас благословил батюшка Адриан...

Утешение духовным словом, милосердием, соучастием – лучшее лекарство для израненной души, и именно его я получила в келье отца Адриана. Я встретила с человеком, который любил людей, как своих деток или внучат, и эта отеческая, родственная любовь сразу обнимала тебя целиком и заглаживала все рубчики и ранки. Спустя несколько месяцев, в Рождество Христово, мы познакомились с моим нынешним супругом, и ровно через год, на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, обвенчались.

Оглядываясь назад, сегодня я могу лучше осмыслить, что значила для меня та первая поездка в город молодости моей мамы – Печоры – и встреча со старцем. И неспроста захотелось подробно рассказать обо всех сопутствующих нам благоприятных обстоятельствах. Значит, так было нужно. Я получила духовную поддержку, также поняла, насколько людям необходимо утешение словом, как важна молитва...

Жизнь за годы, прошедшие после той встречи, сильно изменилась. Сегодня у нас с супругом один духовный отец, который хорошо знает и понимает наши заковырки. По его благословию мы посещаем святые места, он помогает найти ответы в затруднительных ситуациях. И я верю, что всё это стало выстраиваться, в том числе, и после той удивительной встречи в Печорах по молитвам старца архимандрита Адриана (Кирсанова). Я всегда с благодарностью думала и молилась о его здравии... Теперь внесла изменения в помянник. Настал черед молиться за упокой милостивой души старца Адриана и уповать на то, что теперь у нас есть ещё один небесный предстатель перед Святой Троицей...

Благословенны пути Твои, Господи!

ПЕРСТ УКАЗУЮЩИЙ

Вскоре после встречи с архимандритом Адрианом (Кирсановым) на моих глазах произошёл один случай, ставший наглядным примером действия батюшкиной «науки о пальчиках». Поначалу я думала, что своим рассказом отец Адриан тогда решил отвлечь меня от грустных рассказов. Ан, нет! Действительно, старцы никогда слов просто так не произносят.

Напомню, что речь шла о том, что каждый наш пальчик на руке, ежели болит, то ясно указывает на какую-то проблему в душе, на страсть, требующую исцеления. Такая вот «духовно-телесная зависимость». Сегодня, много лет спустя, я уже точно не припомню «меры ответственности каждого пальца», но вот «инструкция» про «палец указующий» сохранилась в моей голове накрепко.

Батюшка рассказал, что этот палец болит, когда человек вдруг начинает всех поучать, гордиться и превозноситься.

Придя на работу после поездки в Печоры, с «велию радостью» я выплеснула свои благостные впечатления на коллег, полагая, что они, несомненно, разделят «моё ценное». Кстати, по дивному совпадению наш коллектив во главе с руководительницей на грядущих выходных как раз и собирался в паломничество именно в Псково-Печерский монастырь. В большинстве своём мои соработницы были воцерковленными, как говорится, «в теме», и моим рассказам они, как я и предполагала, порадовались. Стали задавать вопросы про обитель...

Только вот наша руководительница, обычно жизнерадостный человек, почему-то ликом потемнела. Весь день она ходила, надувшись, но разгадывать причины её странного поведения я не стала.

Рабочая неделя пролетела быстро. В пятницу коллеги оживленно обсуждали предстоящую поездку, а вот наш «шеф» вновь вела себя «своеобразно»: ходила с важным видом и всем сообщала, что «едет к старцу на приём». На меня она смотрела так, словно хотела сказать, что «раз уж тебя старец принял, то меня – начальницу – с почетом к нему подведут».

Кстати, она, обычно очень любопытная, так и не поинтересовалась у меня впечатлениями о Печорах. А ведь я могла рассказать то, что сама только что узнала о монастыре, о его истории, храмах, святынях и Богом зданных пещерах. Мне хотелось её предупредить, что если она намерена побывать у отца Адриана, то надо учесть, что это может и не получиться, так как батюшка из-за своих болезней не всегда принимает посетителей. Встреча со старцем – не официальный, светский визит. Тут лучше помолиться, и если Господь соизволит, она сбудется...

Но в те дни советы «в моем исполнении» нашу руководительницу не интересовали. Возможно, это было проявление зависти, которую я неосторожно вызвала в человеке своими восторженными рассказами? Не всегда люди расположены нам сорадоваться... Тоже – урок мне на будущее.

Безусловно, я от всей души желала коллегам удачной поездки. И очень не терпелось дожидаться начала будущей недели, когда уже они сами поведают мне о своих впечатлениях, полученных в паломничестве.

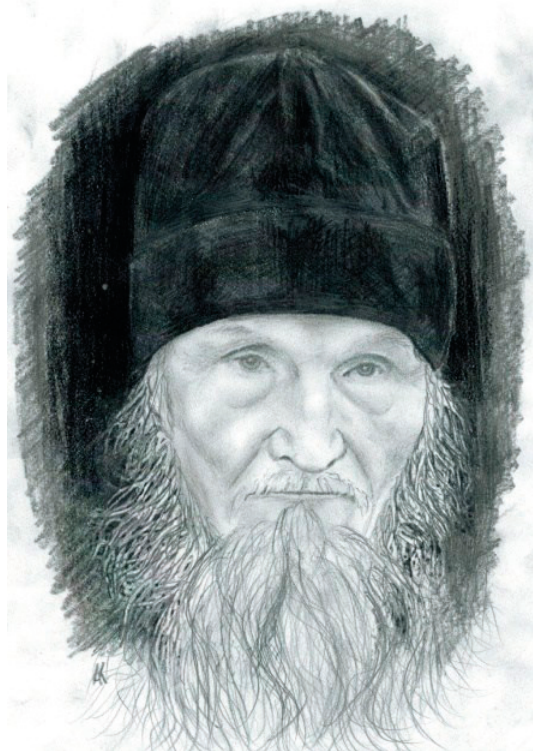
И вот, придя в понедельник на работу, в коридоре я сразу неожиданно столкнулась с руководительницей и обратила внимание на повязку, неуклюже охватившую её указательный палец на правой руке. Днём она зашла ко мне в кабинет, присела рядышком и, грустно вздохнув, сказала:

– Знаешь, что-то к старцу меня не пустили. Сказали – болеет... Всё как-то не так... Да вот на обратном пути ещё этот палец дурацкий стал нарываться...

Тут мне и вспомнилось наставление батюшки Адриана. И я поняла, если так скоро случилось событие, подтвердившее его слова даже в таком, вроде бы незначительном вопросе, как «про пальцы», то тем более, все его серьезные советы, которые я храню в сердце, очень важны.

Игумен Виссарион (Великий-Остапенко)

(19.03.1924 – 12.03.2015)

*Крест безропотно несите,
Как велит Святой Закон,
Свыше помощи просите,
У святых молясь икон.*

*Без молитвы и смиренья,
И полезного труда
Нет надежды на спасенье
В День всеобщего Суда.*

Игумен Виссарион «Наставление духовным чадам»

Об этом замечательном человеке, духовном подвижнике, нашем современнике непременно должна родиться отдельная большая книга, да и не одна. Пусть и моё малое повествование станет скромной лептой, дабы познакомить дорогих читателей с игуменом Виссарионом.

Как произошла наша встреча? – Удивительно! Её предвосхитила череда взаимосвязанных событий, совпадений, знакомств, о которых тоже поведаю, дабы ещё раз показать, как действует в наших жизнях Божий Промысел.

Однажды летом мы решили съездить в Кашин. Муж в то время алтарничал в нашей петербургской церкви Анны Кашинской (кстати, в единственном храме России, нареченном в честь этой святой русской княгини). Вот и хотелось поклониться её честным мощам.

Мы даже не предполагали, сколько необычностей ждет нас в дороге. Взяв благословение у духовного отца, поздно вечером выехали «в свой долгожданный отпуск» из Северной столицы прямёхонько по Московской трассе. Долго ли, коротко ли, добрались до Вышнего Волочка. Тут встала дилемма – куда дальше двигать, поехать через Тверь или в объезд, как говорится, «прочими дорогами»? В то время навигаторы были ещё диковинкой, и нас выручала обычная карта.

Внезапно мне вспомнилось, что в Казанском монастыре Вышнего Волочка похоронена Любушка Сусанинская, пока в лике святых не прославленная, но народно почитаемая. И как-то само по себе вырвалось: «Любушка, ты нам подскажи, как к Анне Кашинской добраться!» Через мгновение мой взгляд встретился с указателем на нужный поворот, и мы распрощались с Федеральной трассой М10.

Дороги в Тверской области ещё те! По сравнению с ними ралли-рейд «Париж – Дакар», как сегодня говорят,

«отдыхает»... На машинке с низкой подвеской приходилось ехать неспешно. Но настроение было замечательное! Салон автомобильчика наполнял бодрящий ночной ветер, душу манили предстоящие открытия. Под утро мы свернули к лесу, нашли полянку и позволили себе немного вздремнуть. Меня разбудил луч солнца, заглядывающий в приоткрытое окно, и бабочка, устроившая посиделки прямо на щеке. Прекрасно было проснуться в русской лесной сказке!

Позавтракав, отправились дальше к «городу русского сердца». Это присловье Кашин приобрел в силу того, что протекающая здесь речка Кашинка своими излучинами-петлями зримо образует вокруг города «сердечный силуэт». Мы сами удостоверились в этом, поднявшись на колокольню Воскресенского собора, в котором в то время только-только начинались реставрационные работы. Я до сих пор помню запах свежескошенного сена, которым были щедро устланы ещё не отремонтированные полы в возрождающемся после периода советского богоборчества храме.

Из беседы со священником мы тогда многое узнали о дореволюционном Кашине, о его многочисленных церквях-монастырях. Батюшка-то и предложил нам подняться на звонницу, чтобы взглянуть с её высоты на город, сердечно обнимаемый Кашинкой. Позже он объяснил, что мощам княгини Анны Кашинской, этой удивительной русской святой, канонизированной дважды, можно поклониться в Вознесенском соборе. Также последовал совет непременно посетить и Николаевский Клубоков женский монастырь.

Мы послушались. Как говорится: священник подсказал, паломник выполнил. От Воскресенского собора, подле которого, кстати, теперь воздвигнут памятник Анне Кашинской, мы вначале направились в Вознесенский храм.

Если вы бывали в паломнических поездках, то, вероятно, могли порой ощутить, что святые, к которым вы приходите на поклон, порой, словно сами радушно «встречают» вас. Так случилось и с нами. Может, это было лишь игрой воображения, но, тем не менее, мы оба почувствовали, что княгиня Анна Кашинская нас приняла.

Тогда мы и понятия не имели ни о времени работы собора, ни о расписании богослужений. Но как только вошли в храм и огляделись, тут же у мощей святой начался молебен. Священнику подпевали две пожилые тётушки, видимо, прихожанки. Ну, и мы, горе-певуны, присоединились к ним. И так вдруг стало радостно! Как будто тебя, такого всего из себя современного, колючего и нервного мегаполисного жителя вдруг по-матерински приласкали, обняли, приняли.

Удивительно, что годы спустя, это ощущение принятия внезапно вернулось ко мне во время Крестного хода, совершаемого пятнадцатого октября вокруг петербургского храма Анны Кашинской в честь дня её поминовения. Солнце и дождь, золото листвы, пение хора, рождение новых стихов... Где родничок вдохновения? В городе, сердечно обнятом Кашинкой! Но всё это будет позже. А то наше летнее путешествие, наполненное православными удивительностями, только начиналось.

Николаевский Клобуков женский монастырь отыскали быстро. Эта старинная обитель, с которой связан подвижнический путь Святого Макария Калязинского, расположилась на высоком холме над Кашинкой. Побывав в храме и посмотрев на воссозданную келью подвижника, решили немного побродить по монастырю. В это время мы и познакомились с игуменьей Варварой, которая не только пригласила нас в трапезную на обед (словно прочитав мысли моего проголодавшегося мужа), но после нашла время сердечно побеседовать с нами.

Узнав, что я пишу стихи в «православном русле» она поинтересовалась, а известен ли нам поэт – игумен Виссарион (Великий-Остапенко), подвигающийся в Троице-Сергиевой Лавре? Матушка Варвара дала нам сборник его стихов «Лавра святая, родная...» и посоветовала непременно побывать у батюшки, если окажемся в Сергиевом Посаде. Также она подарила нам и другие духовные книги. Обласканные и одаренные мы покинули гостеприимную обитель. Всего один день в Кашине подарил нам массу жемчужин-встреч!

Побывать в Троице-Сергиевой Лавре муж желал давно. Для него это случилось бы впервые. Мне тоже хотелось вновь туда заехать, так как после былых посещений обители остались незабываемые впечатления. Кроме того, на поездку нас благословила и игуменья Николаевского Клобукова монастыря, а проникновенные стихи батюшки Виссариона, которые я сразу принялась читать, вызвали непреодолимое желание лично познакомиться с автором.

Поэтому, навестив после Кашина Калязин и Ярославль, подивившись сказочной красе городов волжских, мы поехали в Сергиев Посад.

У каждого паломника – своя история знакомства со святыми местами. О глубине впечатлений, которые наполняют сердце при посещении Троице-Сергиевой Лавры, пожалуй, можно судить по произведениям моего любимого писателя Ивана Сергеевича Шмелева. Его повесть «На Богомолье» настолько проникнута радостным светом, что сразу хочется вслед за автором туда, к «розовым колокольням».

Впервые я сама оказалась в обители Преподобного Сергия в 1989 году, когда родители подарили мне в честь окончания первого курса института путевку на светскую (иных в ту пору не было) экскурсию по Золотому кольцу. Тогда я прямо таки дивилась массе встречаемых в монастыре батюшек!

Потом в 2004 году мы уже с подружкой ездили в Лавру в составе паломнической группы. Тогда к нам прибились два мальчика – дети наших «согруппников». Вот с ними-то мы, взрослые сударыни, впав в детство, самоотверженно «гонялись» за батюшками, подставляя им для благословения свои сложенные ладошки. Так хотелось набрать «побольше благодати»! Сегодня самой забавно вспоминать те свои давние православные «некомпетентности», а о том, что могли подумать тогда о наших «благочестивых проделках» окружающие «продвинутые» паломники, даже подумать страшно!

Но, возможно, похожую, нечаянную радость испытывал и мытарь Закхей из Иерихона, влезший на смоковницу, чтобы увидеть шествующего Иисуса Христа (ибо был ростом мал). От ликования сердца пред Богом плясал и Давид псалмопевец во время перенесения Ковчега Завета в Иерусалим. Он не думал, как выглядит в глазах окружающих. Помните, его осудила даже собственная жена – гордая царица Мелхора? Но не хватила ли я лишку, приводя сии примеры? То – люди великие, как святые почитаемые, а мы – песчинки малые. Но разве духовная радость, наполняющая взрослые сердца детской искренностью, не роднит нас всех?

Помню ощущение благоговейного трепета перед ракой Преподобного Сергия. – Перед тобой – игумен русской земли, чья рука когда-то благословила Дмитрия Донского на победную битву за Русь! Сокровенное мгновение...

Когда мы с мужем, наконец, приехали в Лавру, мне не терпелось познакомиться с игуменом Виссарионом, чьи духовные стихи растрогали сердце.

Поклонившись мощам Сергия Радонежского, мы направились к братскому корпусу и поинтересовались у дежурного брата о возможности связаться с батюшкой. Оказалось, что тот не здоров, но ему можно оставить записку. У меня были с собой две книжечки моих стихов.

Вот и решила также и их передать бабушке вместе с небольшим письмецом, в котором благодарила за встречу с его творчеством и просила молитв о нашей семье.

И было у меня тогда явное чувство, что эта история непременно продолжится.

В то лето нам посчастливилось много путешествовать. Прихватив с собой в поездку ноутбук, я по возможности проверяла электронную почту, ведя переписку с родными и друзьями. Дней через десять ко мне вдруг пришло письмо от незнакомого адресата. Читаю и глазам не верю! – Отклик из Лавры! В послании сообщалось, что книжки и письмо отец Виссарион получил и прочитал. Мои стихи прились ему по сердцу, и бабушка благословил писать дальше. Это была одна из самых дорогих оценок моего творчества.

Не секрет, что наша литературная братия страдает грехом тщеславия. Хотим премий и признания, словно школьники пресловутых пятерок. А когда монах, молитвенник, человек духовной жизни, из-под пера которого рождаются проникновенные поэтические строки, вдруг видит и в твоих «стишатах» толк, то оценки светских критиков уже теряют для тебя всякий смысл.

То первое письмо из Лавры духовной ниточкой связало меня с необыкновенным человеком. Год шла наша переписка по Интернету через его знакомую монахиню – сестру Анастасию (вот уж когда запоешь оду прогрессу). Нас с мужем приглашали в гости в Посад! Безусловно, нам очень хотелось лично встретиться с бабушкой. Мы ждали лета и будущих отпусков.

Внезапно в зиме, когда я свалилась с гриппом, из Сергиева Посада, словно в утешение, к нам приехал Андрей – бабушкино чадо. Он привез массу гостинцев. За трапезой мы проговорили с ним до позднего вечера, а после ухода нашего нового друга я вдруг почувствовала, что болезнь совершенно отступила. Андрей оставил нам на

память аудио диск белорусского детского ансамбля «Тимпан», в репертуаре которого были песни на стихи игумена Виссариона.

Следующее лето вновь оказалось щедрым на подарки душе.

Побывав на Украине, посетив Святогорскую Лавру и вернувшись в Россию, мы после ночевки в Курске отправились ранним утром в заветную сторону Сергиева Посада. По пути навестили благословенный Задонский край, чтобы почтить память моего отца. Папа всегда хотел окончить земной путь именно на родине. Так и случилось в 1995 году, хотя жили мы в ту пору в Санкт-Петербурге, переехав в Россию из Таллинна. А в то уже далекое лето отец поехал в родительский дом, служивший нам дачей, и на Преображение скончался от внезапного инфаркта. Возможно, неспроста под этот праздничный день Господь призвал его к себе...

Как я узнала уже после смерти папы, он, будучи офицером, и, ясное дело, коммунистом, ещё в начале восьмидесятых годов ратовал за восстановление в его родном селе Бутырки разграбленной церкви. По моим детским воспоминаниям, храм находился в жутком состоянии. Внутри – свалка и мерзость запустения. А ведь в то время можно было серьезно поплатиться карьерой за такие «идеи». Но отец, тем не менее, писал статьи в местные газеты, письма в организации... Правда, я о том тогда не знала. Мала была.

Сегодня белокаменный храм во имя Архангела Михаила встречает вас при проезде мимо села, а папу в нем при каждой службе поминают. И, может быть, неспроста у бабушки Марфы – папиной мамы, родившей и поставившей на ноги в те сложные времена девятерых детей, в красном углу горницы всегда стояли иконы, и горела лампадка? Всегда. Несмотря на колхозы-совхозы-советщину...

В Бутырках нам очень хотелось отслужить панихиду на кладбище у могил моих родственников, но встретиться с настоятелем Михайловского храма игуменом Вадимом не удалось. Потому мы поехали на его поиски в Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, насельником которого тот является. Да и нельзя было не поклониться мощам Святителя Тихона Задонского, пребывая в его краю.

Отца Вадима мы так и не нашли (он был в отъезде), зато познакомились с игуменом Герасимом, которому и оставили записки для панихиды.

Во время беседы отец Герасим, узнав, что мы направляемся в Сергиев Посад к батюшке Виссариону, как-то необычайно обрадовался. Оказалось, что всего день назад он сам вернулся из Троице-Сергиевой Лавры, где встречался именно с батюшкой, останавливаясь у духовного чада старца – священника Александра. В ответ пришлось дивиться уже нам. Ведь именно к отцу Александру мы и ехали (познакомились также благодаря переписке с сестрой Анастасией)! У нас было ощущение, что сам батюшка Виссарион, посылая друзей и помощников, сопровождает нас к нему в гости! А молитвы близких по духу людей в дальней дороге были крайне необходимы!

Если вы никогда не пробовали выехать из Москвы в пятницу в тёплый летний вечер по МКАДу, то считайте, что не испытывали настоящего экстрима. Альпинизм, спелеология и спуски с аквалангом – цветочки, по сравнению с этим «аттракционом»! И вот нас-то на нашем маленьком автомобильчике как раз и угораздило оказаться «в это самое время в том самом месте» по дороге в Сергиев Посад.

Нам, питерцам, к пробкам не привыкать. Но на Московской окружной при съезде на Ярославское шоссе в пятницу вечером творилось что-то невообразимое.

Вместо положенных рядов потоки машин образовали несколько дополнительных. Транспорт, нарушая все правила, шел «впритирку». Мимо умудрялись проныривать камикадзе на мотоциклах. Происходящее меня пугало, но была уверенность, что из этой кучи-малы мы всё же выберемся подобру-поздорову. Ведь столько добрых людей благословило наш путь!

Москвичи спешили из мегаполисных пут на волю, а мы стремились на поклон к Сергию Радонежскому и старцу Виссариону.

В транспортной толчее на МКАДе ползли довольно долго. На Ярославском шоссе это безобразие продолжалось ещё некоторое время. Но вдруг, как по волшебству, шеренги поредели, и наш автомобиль вырвался из плена! Он-то вырвался, а наши силы оказались на исходе. Пришлось останавливаться у ближайшей заправки и заправлять не машинку, а себя двойным эспрессо.

Мимо на бешеной скорости проносились в направлении дач-особняков-турбаз лихие москвичи. Наконец и мы, придя в себя, двинулись дальше. Являться в Посад ночью было неловко. Потому мы поначалу решили поехать в Ярославль, чтобы заодно повидать и этот любимый нами город. Это потом уже мы узнали, что дорогие посадцы ждали нас в любое время.

К четырём часам до Ярославля докатили, разместились в знакомой гостинице и рухнули спать. Этот путь от Курска был самым большим испытанием за всю нашу историю путешествий. И я верю, что именно молитвы наших друзей и близких помогли его преодолеть.

В Сергиев-Посад, предварительно созвонившись, отправились в воскресенье. В доме священника Александра нас ждали на трапезу. Отец Виссарион также был там.

Я вспоминаю эти события, когда батюшки уже нет с нами. В тот августовский день мы с мужем получили духовный подарок, возможность лично пообщаться с молитвенником, мудрым старцем-монахом, много претерпевшим в жизни и от фашистов, и от советской власти, перенесший массу искушений. Кстати, игумен Виссарион (Великий-Остапенко) – духовное чадо архимандрита Кирилла (Павлова), был также дружен он и с архимандритом Наумом (Байбородиним). Подобно им батюшка являлся ревнителем чистоты православия.

Встреча с новым человеком для меня подобна посещению дивной, доселе неизведанной земли. В батюшке меня сразу привлек его проникновенный, ласковый взгляд, которым он встретил нас в доме отца Александра. Он словно рассматривал души двух путешественников, наконец-то материализовавшихся после годового виртуального общения. Один только взгляд, и ты приголублен, принят. Страха, что старец сейчас узрит все мои ужасности, не было. Душу переполняли почтение и радость.

Это удивительно – внезапно осознать, что перед тобою – лаврский молитвенник, духовный поэт. И эта встреча вот сейчас почему-то подарена тебе, самому простому, обычному, грешному человеку...

Странноприимные, щедрые отец Александр и матушка Римма потчевали всех на славу. За столом помимо их четы, батюшки и нас с мужем присутствовали также уже знакомый нам по приезду в Петербург Андрей и батюшкина келейница Оленька. За трапезой текла увлекательная беседа. Складывалось ощущение, что ты среди родных людей.

Вспоминались фрагменты из жизни старца. Отец Александр рассказывал и о своём пути во священство из врачей, о переезде в Посад из Санкт-Петербурга, о дивной помощи Божией, происходящей по молитвам его

духовника – игумена Виссариона. Я что-то почитала из моих стихов. Их приняли тепло.

Батюшка Виссарион в то время уже перешагнул рубеж девяностолетия и, опасаясь за его здоровье, все спрашивали, не устал ли он, не хочет ли «домой» в Лавру. На что отец Виссарион, почему-то заговорщицки поглядывая на меня, отвечал с улыбкой, что он как раз здесь-то и дома. А ведь встреча наша продолжалась более четырех часов!

Я помню его трепетный, со слезами на глазах рассказ о своей маме, которую он очень любил и почитал, которая в конце жизни также приняла постриг. Вспоминал батюшка и о явном Промысле Божиим в его непростой судьбе.

Фашистами он был угнан в Германию, где прошел концлагерную кабалу с 3 октября 1942-го по 29 марта 1945-го на железно-рудной шахте. Случилось это так.

Когда на его родную Полтавщину пришли немцы, Василию (мирское имя батюшки) было 16 лет. Начались угоны населения на работы в Германию. Однажды Вася пришел домой и застал свою маму в слезах. Оказалось, что фашисты намерены забрать его сестру. Тогда парнишка сразу вызвался её заменить собой, сам став гастарбайтером. Пригнанных в Германию пленников из СССР использовали на грязных, тяжёлых работах. Жить пришлось в бараках. Пища была крайне скудной. Другим пленным иностранцам разрешалось получать из дома пайки, а советским помощи ждать было неоткуда.

Батюшка рассказал необычный случай из того периода своей жизни. Иногда их отдавали «напрокат» местным фермерам для выполнения сельхозработ. Однажды Василий попал к одному престарелому немцу. Тот, приведя к себе выбранных им рабочих, неожиданно посадил за стол и сытно угостил изможденных трудом и голодом людей. Такой прием удивил. Поначалу все решили, что их подкармливают, чтобы они потом лучше работали.

Но после обеда хозяин вдруг распорядился: «Теперь отдыхайте». Как выяснилось из их беседы, этот немец был военнопленным в России при Первой мировой войне. Оттуда и русский язык узнал. Он всегда помнил хорошее отношение к себе и считал, что русские – самый добрый христианский народ. Потому и он подарил этот день отдыха трём пленникам из России.

В конце войны Василий попал на металлообрабатывающий завод города Золинген. При его освобождении американцы страшно бомбили улицы. Василий чудом остался жив. Он не внял предложению американцев уехать в США, хоть его и предупреждали, что все пленные в СССР подвергнутся репрессиям. Будущий священник всем сердцем стремился домой. Правда, туда он действительно смог попасть не сразу. Вернувшись в свою страну, Василий поначалу был отправлен в отряд, сформированный из пленных, и в течение года работал по восстановлению Сталинграда. Только после этого он вернулся к порогу отчего дома. К счастью, все его родные были живы.

Все эти злоключения сильно подорвали здоровье Василия. Он ощущал также и душевный надлом. Вместо того, чтобы опять как-то приспособливаться к мирской жизни, молодой человек выбрал монашеский путь ради Господа Иисуса Христа. Услышав, что Троице-Сергиева Лавра вновь открыта, Василий, получив материнское благословение, поехал туда, да так и остался в монастырских стенах.

Батюшка говорил, что в Бога верил всегда. Именно вера помогла ему пережить плен и прочие невзгоды. Он поделился с нами случаем, когда его ещё в юности спас в лютую стужу от смерти случайный попутчик, отдав свой тулуп. Отец Виссарион полагал, что это был Иоанн Богослов, так как было сокровенное видение, подсказывающее это предположение.

10 апреля в 1957 году в Трапезном храме Свято-Троице-Сергиевой Лавры Василий Евстафьевич (Великий-Остапенко) принял монашеский постриг с наречением имени в честь преподобного Виссариона Великого, чудотворца Египетского. Ему неловко было иметь столь звучную фамилию, потому он стал просто Остапенко.

Отец Александр, хозяин гостеприимного дома, где мы сердечно согревались благодатным общением, поделился, как они с матушкой Риммой чудом перебрались из Петербурга в Сергиев Посад и купили жильё. Все события случились именно так, как предсказал им их духовник – отец Виссарион. Также он рассказывал, что батюшка не терпел праздности, всегда что-то старался делать, работал даже в поездках, привлекая всех, кто находился рядом, к своим трудам. То вызывался огород кому-то перекопать, то сарай строить начинал...

В лето я прочитала замечательную книгу «Русь уходящая», составленную по рассказам митрополита Питирима (Нечаева). Кстати, сам владыка о мемуарах и слышать не хотел. Истории записывали его духовные чада и другие люди. Книга произвела на меня сильное впечатление, потому я и спросила отца Виссариона, знал ли он владыку. Оказалось, они были хорошо знакомы. К тому же митрополит Питирим даже за советом к батюшке приезжал, спрашивал насчет операции: решаться или нет. Батюшка посоветовал отказаться, но Владыка рискнул, после чего прожил совсем недолго... Отец Виссарион очень тепло, с любовью о нем отзывался.

Для меня очень важным было и поэтическое творчество батюшки. Трогательные, простые строки его стихов проникают в сердце, ненавязчиво направляют ваши мысли к небесному. Когда стихи пишет монах-молитвенник, то смыслы слов, сплетаемых им рифмою, полезны и целительны для души.

Как истинный патриот, игумен Виссарион написал целый цикл стихов о России, о терзающих её людских страстях и причинах бед. К ним добавились особенно проникновенные циклы: «Призыв к покаянию» и «Духовным чадам».

По отзывам духовных чад, батюшка Виссарион часто слагал стихи экспромтом, словно они рождались силою любви и сочувствия к ближнему. Каждое стихотворение сразу же читалось тому, кто нуждался именно в этом слове утешения и вразумления. Иногда такое сердечное соучастие батюшки в судьбе определенного человека рождало поэтические строки и той обобщенности, которое звучит в народных песнях и балладах... Они кратчайшим путем доходят до сердца, помогают возложить свои упования на Господа, согревают любовью, укрепляют надеждой.

Не зря пастырское слово отца Виссариона подчас облекалось в поэтическую ризу, раскрывая драгоценность православия. Мне кажется, что его стихи похожи на добрые семена, которые постепенно дают благие всходы в сердцах слушателей, читателей. Ведь именно так было и со мной, когда я впервые открыла страницы его книги. И теперь, когда речь заходит о Сергиевом Посаде, сразу вспоминается:

*«Лавра святая, родная,
Как ты нам всем дорога»...*

Отец Виссарион писал также об Афоне, где ему случилось одно время служить, об Иерусалиме, Иверии... Запомнилось мне и его стихотворение о Пюхтицком женском монастыре, что находится в Эстонии, так как именно в Таллинне прошли мои детство и юность.

*...Стоит чудесная обитель
В эстонском северном краю,
Где Православия ревнитель
Приют находит, как в раю...*

Духовные чада батюшки переписывали его стихи, просили разрешения передать их знакомым и близким. Так постепенно сложился первый сборник...

При нашей встрече батюшка сетовал, что сегодня поэзия не популярна, так как для её восприятия нужны время, тишина и уединение. Ему предлагали вступить в члены Союза писателей России, в другие писательские объединения. Кто-то даже хотел заняться редакцией его стихов. Но как можно «редактировать» слова молитвенника?! Кто посягнет?! Все стихотворные сборники старца вышли благодаря его духовным чадам, и я счастлива, что и у меня есть эти светлые книги...

*...К покаянью призывает
Каждый столбик и куплет –
Пусть никто не забывает,
Что писал монах-поэт.
Да поможет эта книга
Путь к спасенью обрести
Избежать гордыни ига
И смиренно крест нести...*

Каждую строчку батюшка писал, опытно прочувствовав её смысл. Нелегкий был его монашеский путь. Как я уже упоминала, отец Виссарион одно время жил на Афоне. Он рассказал нам об этом так:

После революции 1917 года общение с Афоном, а конкретнее с русским Пантеимоновым монастырем, у СССР было прервано. Но в конце 50-ых годов прошлого XX века при потеплении отношений с Грецией появилась возможность вновь там послужить. Несколько молодых монахов, в том числе и отец Виссарион написали прошение на Афон. Но ход делу почему-то не был дан более десяти лет. Когда вновь зашла речь об отъезде в монашескую республику, то по разным причинам из всех ранее просившихся туда отправили лишь двоих. Одним из них и оказался батюшка.

Пантелеимонов монастырь предстал пред ними в заброшенном состоянии. В нём проживало лишь несколько стареньких монахов, поселившихся ещё до 1917 года. Здания и хозяйство были в полном упадке. Вот и пришлось двум молодым инокам взвалить на свои плечи все трудные работы, да ещё и службы. А богослужение по афонскому уставу занимает около двенадцати часов ежедневно. Кроме того, к приезжим из-за их «советскости» батюшки «аборигены» относились очень скептически.

Отец Виссарион рассказал, что это был очень сложный период в жизни. Он и с трактором, и с грузовиком управлялся, и на кухне готовил, при этом непременно посещал богослужения и исполнял свое монашеское правило. Но сильнее физических нагрузок оказалась тоска души по России.

Время, проведенное на Афоне, нашло свое отражение в стихах батюшки. Вот тёплые строки из них:

«... Гора Афон – удел Пречистой –

Пленяет всех своей красотой.

Сады, и лес, и воздух чистый

Овеян утренней росой.

Там виноградники, маслины

И всяких множество плодов.

Ущелья, скалы и долины,

И аромат лесных цветов...

... Отшельника пещера-хатка

Скиты и кельи по лесам.

Монастырей там два десятка

Хвалу возносят небесам.

Стоит и русская обитель

На берегу афонских вод.

Пантелеимон Исцелитель

Хранит её из года в год.

... Там службы долгие церковны,

Монахи молятся всю ночь,

*Чуждаясь помыслов греховных,
Соблазны мира гонят прочь.
Спасались там и Патриархи,
Простой народ, дворяне, знать,
Ученые и иерархи
Шли на Афон себя познать...
...Во все века туда молиться
Стремился с верою народ,
Христу достойно поклониться
На берегу Эгейских вод.
Всегда приветливо встречает
Любовью движимый Афон.
Вином их лозным угощает:
В монастырях такой закон.
... «Скоропослушница», «Достойно»,
«Вратарница» хранят Афон.
И святогорцы непритворно
Пречистой воздают поклон.
И Матерь Божья изливает
Щедроты на своих рабов,
Святой горы не забывает
И простирает Свой Покров.*

На Афоне батюшка Виссарион пробыл три года. Не справляясь с тяжелейшими физическими нагрузками (его здоровье было подорвано ещё в юности во время плена в Германии), он попросился обратно в Россию. Но возникли бюрократические трудности. Дело в том, что по прибытии на Афон советским монахам пришлось сменить своё гражданство на греческое. Потянулась проволочка с документами. Ответственные органы в СССР не торопились помочь. Видимо, случай с отцом Виссарионом должен был стать показательным примером для других советских священнослужителей, думающих об Афоне. И вот, не дожидаясь разрешения конфликта, батюшка самовольно каким-то чудом вернулся на родину.

За это его наказали – не приняли обратно в Лавру. Понятно, что такое решение шло не от священноначалия, а от советских властей. Церковь милосердна и умеет прощать, а государство же не прощало «отступников» и запрещало принимать их туда, откуда они уехали. Человеческая судьба чиновников не волновала. Что касается отца-наместника монастыря, то и он был бессилён помочь, так как за церковь вёлся неприкрытый надзор. Несколько лет монаху Виссариону пришлось скитаться по разным людям, как-то находить приют. Одно время он трудился на послушаниях и в Псково-Печорском мужском монастыре.

Господь хранил батюшку от уныния. Помогала ему и горячая молитва к преподобному Сергию.

*О великий угодник Христов
И печальник Российской державы!
Помолись, чтоб народ был готов
От хмельной исцелиться отравы,
Чтоб воспрянул он всею душой
От греховной погибельной спячки,
И молитвою слёзной большой
Он очистил неверья болячки.*

Когда в те сложные времена отец Виссарион, снося унижения и терпя горести, проживал в Загорске (Сергиевом Посаде), то не пропускал ни единой службы в родной Лавре. Молился смиренно и терпеливо. И по милости Божией его снова взяли в любимую обитель.

Позднее в жизни батюшки произошло повторное «изгнание» из монастыря. Тёмные силы продолжали восставать на молитвенника.

Вновь скитаться отцу Виссариону пришлось уже из-за своей «катехизаторской деятельности». Сегодня даже не верится, что за распространение слова Божия и обычные разговоры с паломниками в советское время человека ожидали серьезные репрессии.

Однажды батюшка нёс послушание на раздаче святой воды в часовне. При этом он обычно беседовал с людьми, отвечая на их нехитрые вопросы о вере. В те годы нереально было купить Библию, Евангелие и другую духовную литературу. Вот батюшка и делился, чем мог – духовными знаниями. Даже страх наказания его не останавливал. Раз сказано: «Научите все народы». Он и учил...

Власти про то прознали и велели священноначалию выгнать отца Виссариона из числа братии за его «религиозную пропаганду». Вот батюшке и пришлось вновь около пяти лет мыкаться по чужим домам да как-то перебиваться. Было в то время на отца Виссариона и разбойное нападение, когда грабители, пробив ему голову, оставили священника лежать без сознания. Но он терпел все злоключения с твёрдой верой, что Господь непременно поможет ему. Так и получилось. Игумена Виссариона снова приняли в обитель при новом наместнике Алексии (Кутепове).

Последующие годы жизни батюшки прошли уже мирно в окружении любящих духовных чад, почитающих и уважающих его. Конечно, сыграло свою роль и прекращение гонений на церковь.

Для отца Виссариона главным в жизни было уберечь людей от духовной пропасти, пороков, искушений. Он исполнял это своими молитвами, стихами, проповедями, поступками, стараясь осветить единственную тропинку меж скал грехопадения, ведущую от тьмы к свету. Батюшка с любовью старался помочь людям уверовать в то, что Бог всегда рядом.

*Держитесь Церкви Православной,
Как было в древние века,
Где к цели истинной и главной
Ведёт Всевышнего рука.*

Даже в преклонных годах отец Виссарион находил в себе силы общаться с духовными чадами. Их у него было множество и в России, и за рубежом. В своей монастырской жизни он отличался духовной твёрдостью, рассудительностью, неприхотливостью в быту, терпением, бескорыстием и нестяжательством. Живя скромно в небольшой келье, всё даримое и приносимое он раздавал бедствующим и неимущим, а про себя говорил «многогрешный раб Божий...».

Несмотря на жизненные передрыги, батюшка до глубокой старости сохранил оптимизм и чувство юмора, чему мы сами были свидетелями при беседе.

Время нашей с ним встречи пролетело незаметно. В конце трапезы Батюшка благословил конфеты, лежащие в вазочке, и своей рукой раздал их нам. Потом он грустно вздохнул: «Сегодня-то мы с вами так хорошо вместе сидим, а вот завтра»... Только через полгода мы с мужем поняли смысл его слов: на Украине грянул Майдан. Игумен Виссарион словно духом прозрел, что вскоре произойдет на любимой им родине...

Под вечер Андрей подвез всех нас на своём микроавтобусе в Лавру. Ольга повела батюшку в келью, а мы пошли к мощам Преподобного Сергия Радонежского. Со мною осталось благословение отца Виссариона на творчество. Оно согревает и поддерживает.

При одном воспоминании о старце, о его светлом, любящем взгляде, тихом, но твердом голосе душа освещается весенним, воскрешающим солнцем. Неспроста именно в это время года случались главные события в судьбе батюшки:

19 марта 1924 года он родился; 29 марта в 1945 году был освобожден из фашистского рабства; 16 марта 1957-го подал прошение о постриге в монахи.

Именно весной – 24 апреля в 2014 году во время посещения Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Святейший

Патриарх Кирилл наградил отца Виссариона (Великого-Остапенко) «во внимание к усердным трудам на благо Святой Церкви и в связи с 90-летием со дня рождения» орденом преподобного Сергия Радонежского III степени.

И вот, 12 марта 2015 года на 91-м году жизни Господь призвал батюшку в селения Свои...

Весна – время Пасхальной радости, пробуждения природы, окрыления наших мыслей, поэтического вдохновения... Недаром, родившийся на свет Божий игумен Виссарион говорил о себе, что он – счастливец, что Господь всегда рядом с ним.

Я бережно храню в памяти эту драгоценную встречу. Она неспроста произошла в тот период, когда находясь в окружении светских, невоцерковленных литераторов, я остро нуждалась в подтверждении верности своего творческого пути. По Божьей воле, помощь и пришла от православного поэта-священника.

*Православным хочу быть поэтом,
Чтоб посредством духовных стихов
То угрозой порой, то советом
Отвращать христиан от грехов.*

Путь к этой встрече начался для меня в Кашине. Знакомство с батюшкой помогло утвердиться в мысли, что тихие, сердечные слова, зовущие читателя стать немного ближе к небу, нужны и полезны. Правда, батюшка сетовал, что в современной суетливой жизни места для стихов остаётся всё меньше и меньше. У людей нет времени и терпения для поэзии мирской, не говоря уже о духовной... Но, тем не менее, если Бог даровал нам этот талант, то мы несмотря ни на что должны его оправдывать.

Я верю, что игумен Виссарион, отойдя ко Господу, молится у Его престола о каждом своем чаде, о мире и братской любви для нас, земных. В воспоминаниях Митрополита Вениамина (Федченкова) есть отрывок, где он рассказывает, как одна игуменья, духовная дочь и

почитательница святителя Филарета Московского (Дроздова) по смерти того затруднялась молиться о нём, как о покойном. И вот Святитель явился ей во сне и научил молиться так:

«Помяни, Господи, раба Твоего, усопшего Митрополита Филарета, и его молитвами спаси меня, грешную»...

Вправе ли и мы также просить молитв тех, кто поддерживал нас при жизни, но теперь отошел в мир иной, тех, кого мы всей душою любим и помним? Но у Бога все живы! Потому, вспоминая своих родителей и всех близких людей, уже окончивших земной путь, моё сердце часто обращается к ним именно подобным образом...

ОБРЕТЕННАЯ ПРОПАЖА

Мы все зачастую прибегаем к помощи святых, чтобы те подсобили нам своим ходатайством перед Господом. Конечно, в первую очередь важно наше личное обращение к Богу. Но, осознавая собственную духовную немощь, мы и просим Его угодников, чтобы те донесли наши чаяния на крыльях своей сильной молитвы. Так повелось, что в конкретных ситуациях мы взываем к определенным святым: из-за проблем со здоровьем обращаемся к Пантелеймону Целителю, в дороге – к Николаю Чудотворцу, при жилищных проблемах – к Спиридону Тримифунтскому...

А что делать в случае пропажи чего-то очень необходимого и дорогого?

Вот что поведал нам однажды игумен Виссарион (Великий-Остапенко), в жизни которого было множество удивительных случаев.

Объявился как-то на территории Сергиевой Лавры странноватый парнишка. Болящий никому не докучал и не мешал, но всем стало известно, что приехал он с намерением поступать в Московскую Духовную семинарию. Паренька «без царя в голове» обитатели Лавры жалели. Потому никто не подсмеивался и не отговаривал его от той затеи.

Приёмные экзамены в семинарии окончились. Штат первокурсников – будущих батюшек-богословов-миссионеров – был утвержден. Что касается нашего героя, то он по понятным причинам в списках не значился.

В то самое время в Лавре случилась неприятность. – Пропала целая кипа синодиков. Кому они могли понадобиться?! Обеспокоенные отцы, как подобает, прибегли к первой неотложной помощи в затруднительных обстоятельствах, – к молитве. Но какому святому молиться?

Игумен Виссарион, в своё время служивший на Святой горе Афон, помнил, что афоняты в случае необходимости отыскать пропажу всегда прибегали к молитвенному заступничеству святого великомученика Мины. Вот и он также, не мудрствуя излишне, по их примеру с усердием обратился именно к этому Божьему угоднику, чтобы тот помог встревоженной лаврской братии синодики найти.

Прошло несколько дней. Идёт как-то отец Виссарион по территории обители и встречает того самого болезного паренька с огромным старым чемоданом.

– Домой, сынок, небось, собрался? – благословив юношу, спросил монах.

– Да, батюшка, на родину возвращаюсь. Сейчас почему-то в семинарию меня не взяли, но я снова готовиться буду. На следующее лето уж непременно зачислят. Я ведь даже специальных книг у вас набрал. Вот все их перечитаю-выучу и точно поступлю. Учебнички-то все у меня уж больно умные теперь, – ответил, наивно улыбаясь, паренёк и указал на свою внушительную поклажу.

– А что за книжечки там? Покажешь? – насторожился игумен.

Его собеседник радостно открыл чемоданище:

– Смотрите, батюшка! Все – старинные, зачитанные! Значит, много, кто по ним, видать, уже готовился. Вот и я читать начну. Всё выучу. Уж очень мне хочется священником-то быть.

Глянул отец Виссарион на мудрёные «учебнички» и обомлел от радости. – Из чемодана на него посматривала та самая драгоценная лаврская пропажа! Действительно «читанная-перечитанная». Как синодики попали к горе-абитуриенту, и под каким предлогом были у него изъяты, я не помню. Но то, что именно батюшке Виссариону, молившемуся о помощи святому Мине, удалось её отыскать, остается фактом достоверным.

Теперь и мы в семье переняли этот обычай. Как только что-то существенное у нас теряется, и самостоятельные поиски не дают результатов, то непременно спешим к великомученику Мине на поклон. И по его молитвам помощь приходит очень быстро.

Конечно, обращение к святым ни в коем разе нельзя рассматривать, как волшебный заговор-наговор, и вопрос о чудесах зиждется именно на вере человека: «По вере вашей да будет вам» (Матф.9:29). Но вот такие случаи ещё раз убеждают, что у Господа все живы.

И хоть не всегда мы, грешные и немощные, по совести говоря, заслуживаем внимания Божиих угодников, они с любовью помогают нам, подхватывая наши робкие молитвенные прошения и донося их к Престолу Божьему уже в ярком свете своей веры, любви и надежды.

Л170 Лодеева Н.А. Ближе к небу. Очерки о русских священниках. – Воронеж, издательство «Истоки», 2020. – 130 с.

ISBN 978-5-4473-0269-6

Наталья Анатольевна Лодеева – поэтесса, прозаик, член Союза писателей России и Межрегиональной просветительской общественной организации «Объединение православных ученых», психолог. Родилась в военном городе Острове Псковской области. Детство и юность прошли в Таллин. Окончила РГПУ им. А.И. Герцена. Является одним из организаторов Международного детского литературного конкурса «Берег мечты».

Наталья Анатольевна ЛОДЕЕВА
Ближе к небу. Очерки о русских священниках.

Отзывы о книге просьба присылать по адресу:
natacat@mail.ru

НАТАЛИЯ ЛОДЬОВА

БЛИЖЕ К НЕБУ

**Очерки о русских
священниках**

Редактор: протоиерей Геннадий Заридзе
Верстка, оформление: А. И. Краснобородько

Подписано в печать: 16.03.2020.

Формат: 60x84 1/16.

Печ. л. 8. Тираж 100 экз.

Заказ № 6724.

Отпечатано в типографии «ИСТОКИ»

394026, г. Воронеж, ул. Солнечная, 33.

Телефон/факс (473) 239-55-54.

E-mail: istoki-vrn@mail.ru